

*Рождественские
желания*

КАРИНА ХЕЛЛЕ

Лаклан МакГрегор и Кайла Мур упорно боролись за свое счастье, и можно было подумать, что их первое совместное Рождество будет вишенкой на торте. Но даже несмотря на то, что город Эдинбург во время рождественских каникул по-настоящему волшебен, и у похотливого дуэта достаточно огня, чтобы растопить снег, Рождество часто приносит свою долю волнений и беспокойства. Кайла скучает по маме и Сан-Франциско, пытаюсь вместе с этим приспособиться к жизни в Шотландии, Лаклан сражается за то, чтобы оставаться выше своих постоянно присутствующих демонов (которые во время праздников появляются все чаще), а его старший брат Бригс сталкивается с собственными трудными воспоминаниями. Одно можно сказать наверняка - наступающее Рождество они не забудут никогда.

Рейтинг: 18+

Переводчик: Ксюша Попова

Совместный проект:

Best romance books и **Книжный червь**

Глава 1

КАЙЛА

— Утро, любимая.

На секунду, я не понимаю, сплю я или нет. Хриплый шотландский акцент Лаклана вторгается в мои сны, размывая границу между фантазией и реальностью. Но, эй, сколько человек может сказать, что мужчина их мечты — мужчина их жизни? Даже проснувшись, я прекрасно понимаю, как мне повезло, что я — любимая Лаклана МакГрегора.

Знаю, знаю. Это так смазливо. И, слава богу за это, потому что, если бы рядом со мной, в моей постели, да и где угодно, не было бы Лаклана, я бы потеряла свой гребаный рассудок.

Прошло десять дней с тех пор, как я отбросила осторожность и рискнула, как никогда в жизни, оставив все в Сан-Франциско, и приехала в Эдинбург по, своего рода, капризу, надеясь возродить любовь, о которой никогда не переставала мечтать. Десять дней горячего, страстного секса, длинных разговоров и слюнявых поцелуев с собакой. Десять дней сомнений в своем решении, искусанных ногтей и тоски по Стеф, Николе и своим братья. Не говоря уже о скорби по маме, такой вездесущей и глубокой. Сказать, что меня разрывает в миллион разных направлений, явное преуменьшение.

Но Лаклан постоянно рядом, поэтому независимо от того, какое направление принимают мои мысли, и куда двигаются сердце и душа, само его присутствие рядом, напоминает мне, что я не одинока. Честно говоря, не знаю, что бы я без него делала. Здесь бы меня не было, это уж точно.

Я, должно быть, снова погружаюсь в сон, пока не чувствую, как его губы мягко прижимаются к моему лбу.

— Ты не можешь спать вечно, — ощущаю горячее дыхание на коже. — Тебе захочется

встать, пока снег не растаял.

Снег?

Я открываю глаза, когда он отрывается и смотрит на меня. В утреннем свете его глаза выглядят особенно зелеными, морщинки в уголках, на губах намек на улыбку. Черт, эти его губы. Он так безумно красив, что я словно гуляю с постоянной колонией бабочек в животе.

— О чем ты говоришь? — тихо спрашиваю я, голос еще сонный.

Он кивает головой в сторону окна, когда Лионель запрыгивает на кровать и начинает лизать мое лицо. Я в шутку отталкиваю его и сажусь, чтобы посмотреть на улицу.

И у меня перехватывает дыхание.

Он не шутил.

Тонкий слой снега покрывает парк через улицу, подмораживая траву и прилипая к голым веткам, словно сахарная глазурь.

— Боже мой, — произношу я, не в силах отвести взгляд от ослепительно белой сцены. — Такое обычно бывает?

— Иногда, — говорит Лаклан. — Раньше снег шел чаще, но теперь, чертово изменение климата и все такое.

Смотрю на него широко раскрытыми, полными надежды глазами.

— Это значит, что у нас будет снежное Рождество?

Он пожимает плечами.

— Может быть.

Киваю ему.

— Ой, да ладно, тебе следует быть более взволнованным. Раньше у меня никогда не было снежного Рождества. Каждый год я просила его у Санты, и, очевидно, желание никогда не сбывалось.

— Может, ты была непослушной девочкой.

Я ухмыляюсь, ударяя его твердый бицепс.

— Ты же знаешь, что была.

Он медленно кивает, глаза проходятся по моим губам, шее, груди. Поддразнивая.

— И все еще такая, — говорит он, голос становится ниже. — Даже очень.

Волоски у меня на затылке встают дыбом, кожа воспаляется от его взгляда. Как обычно, мне достаточно лишь одного его взгляда, чтобы возбудиться. Ему даже нет необходимости находиться рядом, чтобы сводить меня с ума. Никогда не думала, что стану одной из тех девушек, которые ласкают себя, думая о своем парне, а не о какой-нибудь модели или знаменитости, но все когда-то бывает впервые.

Он наклоняется, глаза полуприкрыты, и целует уголок моего рта, прежде чем пройтись губами по моей челюсти. Так тепло, влажно и нежно. Я опускаюсь обратно на подушку, его губы похожи на самый сладкий наркотик. Он прижимается ко мне, я чувствую его твердую длину через джинсы, и инстинктивно поднимаю бедра, чтобы встретить его, страстно желая, чтоб он оказался внутри меня. Я намокла за пару секунд и отчаянно желаю, чтобы он подвинулся ближе.

— Почему ты всегда не ходишь голым? — я практически хнычу, скользя под его белую майку и вниз по твердой, гладкой, мускулистой спине. Я могла бы часами трогать эту спину.

— Потому что я глупый, глупый мужчина, — шепчет он, посасывая мою шею. Стон, который он вызывает, громкий, но шум — это то, чего я отказываю смущаться. Кроме того, ему это нравится. Какой мужчина не захочет услышать, какое удовольствие он дарит

женщине?

— Глупый мужчина с великолепным большим членом, — дразню я, тянусь вниз и поглаживаю его эрекцию.

— Идеально подходящим для девушки с маленькой сладкой киской, — с последним словом его голос становится еще ниже, и он облизывает мою ключицу.

Черт. Грязный рот решил поиграть.

Я нащупываю его джинсы, расстегивая их как можно быстрее, пока он стягивает футболку через голову. Боже, вид его надо мной, этой каждой с трудом заработанной, рельефной мышцы, каждой красивой, рассказывающей свою историю татуировки — все это мне никогда не наскучит.

Он отстраняется, чтобы стянуть джинсы, когда Лионель бросается вперед, хватая зубами край и весело тянет за него.

— Рад, что ты пытаешься помочь, приятель, — говорит Лаклан собаке, смеясь, когда питбуль стягивает их. Лаклан посылает мне извиняющийся взгляд, прежде чем слезть с кровати. — Не волнуйся, его уже нет.

Знаю, это безумно глупо, но я не могу заниматься сексом, когда в комнате собаки. Лаклан заверяет меня, что они ничего не понимают, но я *знаю*, что понимают. Это странно. В чём-то я эксгибиционистка, но не в этом случае.

Лаклан стягивает джинсы и шагает по комнате, убирая Лионеля. Он без белья, что бывает довольно часто, и я получаю прекрасный вид на самую лучшую задницу в мире. Все эти годы регби, а теперь и бокс, сделали ее упругой и твердой, как сочное яблоко, в которое мне так и хочется впиться зубами и ногтями. Плюс эти широкие плечи и выразительные мышцы спины, ямочки на талии, его толстые, невероятно сильные квадрицепсы — да он просто сверхмужчина. Иногда мне жаль, что я не парень, так бы я могла трахнуть его сзади, потому что, черт возьми, вид был бы великолепный.

Он закрывает дверь за Лионелем, затем поворачивается, еще один прекрасный вид. Держит свой великолепный член в руке, и мои глаза разрываются между любованием красивыми, желанными губами и его членом.

— Готова для меня? — спрашивает он, и взгляд на его лице практически пылает.

Зачем он вообще спрашивает?

Я улыбаюсь, кокетничая, а затем стягиваю топик через голову. Вчера вечером, прежде чем мы заснули, у нас был секс, и я даже не потрудилась снова надеть трусики, что сейчас оказалось весьма кстати.

Лаклан подходит и останавливается прямо перед кроватью, глаза горят.

— Хочешь поиграть? — угрюмо спрашивает он, хотя на губах появляется порочная ухмылка.

— Поиграть? — спрашиваю я, слегка смутившись. — Или заняться сексом?

Он протягивает руку и открывает ящик прикроватного столика.

— И то, и другое, — достаёт шёлковую маску для сна, которую я получила во время перелёта сюда. — Надень ее.

Я беру у него маску. Хмм. Хорошо. Так вот *что это* за игра.

Надеваю ее на голову, натягивая на глаза, пока мир не становится почти черным, только слабое сияние серого проникает из-под края.

— Ложись на спину, — говорит он мне, и я дрожу от звука его голоса, такого гортанного, хриплого и необычайно властного в темноте.

Откидываюсь назад и чувствую, как его рука скользит под мою голову, притягивая вниз подушку, чтобы мне было удобнее. Затем я понимаю, что он отходит от меня, и слышу, как роется где-то. Слышу какой-то звук, словно он что-то открывает.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, мой пульс учащается.

— Кое-что, о чем фантазировал? — отвечает он.

Фантазии? Да, пожалуйста.

— Ну-ка, ну-ка, — говорю ему.

— Просто расслабься. Не двигайся. И не разговаривай. Я собираюсь проделать с тобой довольно грязные вещи.

Ох, Господи Боже.

— Начиная с этих фантастических сисек, — говорит он, почти рыча. Я слышу, как он хлопает ладонями, а затем садится на меня, его сильные, теплые ноги по обе стороны от моей талии.

Думаю, у меня есть идея, к чему все идет.

Я втягиваю воздух, тело напряжено, и жду его следующего движения.

Его руки скользят меж моих грудей и ласкают каждую половинку. Я ощущаю слабый запах мяты, и понимаю, что он натер меня смазкой. Обычно мне это не нужно, но, что ж, для анального секса она очень даже нужна.

Хотя на данный момент это моя грудь, и она вся в смазке. Он размазывает ее так, словно втирает в кожу, делая мне массаж, только ни в малейшей степени не расслабляющий. Плавное нажатие пальцев воспаляет мои нервы, тепло растет с каждым движением. Язык дразнит один из моих сосков, уже твердый и умоляющий.

Стон застревает у меня в горле, и я извиваюсь под ним, потянувшись к его шее, чтобы притянуть его ближе.

— Я сказал, не двигайся, — приказывает он, и я немедленно опускаю руку вниз. Вот черт. Командир.

Он берет мой сосок зубами и тянет. Всего лишь капля боли, но она вызывает поток электричества, пронизывающий меня до кончиков пальцев.

— Черт, — задыхаясь, произношу я.

Он останавливается.

— Я сказал, не разговаривать. Если ты не замолчишь, я сейчас же остановлюсь.

Я знаю, он серьезен, но тишина никогда не была моей сильной стороной. Сильно сжимаю губы вместе, пока не чувствую, как его рот возвращается к моему соску, снова облизывая и посасывая, пока между ног все не набухает так отчаянно, что не могу ничего с этим поделать.

Это пытка. Прекрасная, сладкая пытка.

С маской на глазах, нервами, борющимися против тишины, против естественного желания моего тела двигаться, прикоснуться к нему, корчиться и умолять, мой мир горит и пылает, и я просто буду прахом в конце.

Его голова опускается ниже, облизывая центр моего живота, пока он не останавливается между моих ног. Я знаю, он наслаждается пыткой, бормоча что-то мне в кожу, когда оставляет дорожку из поцелуев вниз по моему животу, и затем, когда скользит длинным, влажным языком вниз к моим складочкам. Кожа там настолько чувствительна, что я чуть не вскрикиваю, когда он нежно кружит по ней, поддразнивая меня, приближаясь к моему клитору, а затем отступая.

— Пожалуйста, — стону я, не в силах сдержаться. Внезапно он шлепает меня по бедру. И сильно.

— Это твоё последнее предупреждение, — говорит он. Боже, его акцент и властный голос, он невероятно горяч, когда раздаёт приказы. Он был бы довольно отличным Домом, потому что хорош в боли и пытках. Только это не то, что он делает для меня, а то, что не делает. Он заставляет меня хотеть его так сильно, что я едва могу дышать.

Наконец его язык скользит вдоль моего клитора, и, пытаясь успокоиться, я резко всасываю воздух. Я в секунде от того, чтобы кончить, и он это знает. Он лихо обрабатывает меня, его язык щелкает быстро и так сильно, пока я набухаю под ним, что давление во мне все нарастает и нарастает.

Затем он отстраняется, и я хватаю ртом воздух.

Чертов дразнилкин.

— Тише, тише, — хрипло говорит он. — Ты очень хорошо справляешься. И я готов наградить тебя.

Он располагается на мне, и я чувствую, как помещает кончик своего твердого члена у моего входа. С медленной легкостью он толкается в меня, и я расширяюсь вокруг него, мое тело нуждается в нем и жаждет его. Через несколько секунд он входит до конца, он часть меня, и я не думаю, что когда-либо чувствовала себя настолько прекрасно растянутой.

— Ты ощущаешься так охрененно хорошо, — стонет он, выходя и толкаясь снова, его твёрдая длина проходит по всем правильным точкам. — Так хорошо. Так прекрасно. Знаешь, ты сводишь меня с ума. Все время. Каждую гребаную минуту.

Я задыхаюсь, когда он толкается сильнее, а затем замирает, и мне кажется, что он может оставить меня в качестве наказания, но он скользит внутрь. Лаклан начинает вколачиваться быстрее, глубже, и мне требуется вся сила воли, чтобы не потянуться к его твердой заднице и не удерживать его внутри.

Я чувствую, как пот капает с его тела на мое, и удивлена, как я еще не воспламенилась. Он скользит рукой вниз, сжимая кулак на основании члена, пока двигается во мне, и прерывистым, низким голосом говорит, насколько я совершенна, как сильно он любит меня, насколько сильно обожает трахать меня, какая я тугая, сладкая и мокрая. Мое сознание наполнено его грязными словечками, сердце наполнено его любовью, и мое влагалище наполнено каждым дюймом его толстого, твёрдого, как камень, члена.

Затем его пальцы скользят по моему клитору в едином ритме с его беспощадными толчками.

Один.

Два.

Огонь внутри меня потрескивает.

Щелчок.

Конец.

Я кончаю, громко постанывая, выкрикивая его имя, когда звезды появляются под маской, и мое тело взрывается горячим потоком нервов. Я извиваюсь, уплывая в чистое блаженство. Прочь, прочь, прочь.

Черт.

Этот мужчина.

— Еще не все, лапочка, — говорит он, выходя из меня, пока я все еще пульсирую вокруг него.

Он медленно двигается вперед по мне, все еще расставив ноги, пока прокладывает путь выше, и я чувствую, как его шарики трутся о мой живот, пока не останавливаются чуть ниже груди.

О, да. Вот оно.

— У меня есть разрешение помочь тебе? — спрашиваю я, прочищая горло.

— Есть, — говорит он, позиционируя свой член, горячий и влажный, между моими грудями, а затем сжимает их, подталкивая к середине. У меня не самая большая грудь для такого рода вещей, но, когда я кладу руки на его и действительно сжимаю их, это работает.

Он скользит членом вперед-назад между ними по смазке, и я наслаждаюсь первобытным звуком его ворчания и стонов над собой, когда он работает все усерднее. Несколько раз он выскользывает, но я отпихиваю его руки, чтобы он мог схватить изголовье. У меня лучше получается сжать грудь, и действительно заставить его почувствовать это.

— Ох, бл*дь. Трахни меня, — стонет он. — Твои сиськи. Ты невероятна, лапочка.

Да, черт возьми, я такая.

Его движения становятся быстрее, и я знаю, он кончит в любую секунду. То, как прерывается его дыхание, как напрягаются бедра, маленькие звуки, которые он, вероятно, не знает, что издает. Отчаянные звуки. Нуждающиеся. Звуки, которые говорят мне, что я завожу его, как ничто другое в этом мире.

Я, черт возьми, живу ради этих звуков.

И он кончает. Кончает с хриплым криком, и сперма разлетается по моей шее и лицу, горячая, влажная, липкая. Лично мне нравится, когда он кончает на меня, это грязно, непристойно и так развратно. Как чертово животное. На этот раз я просто благодарна за маску для глаз, потому что, наверное, ослепла бы от спермы, попавшей в глаза. Я слышала, что она хороша для кожи, но не слишком уверена насчет зрения.

Он стонет, выкрикивая мое имя, тяжело дыша в течение нескольких минут, прежде чем добирается до салфеток рядом с кроватью и деликатно очищает меня.

Я снимаю маску, моргаю, глядя на него. У него на лице румянец, глаза полуприкрыты. На лице покой и безмятежность. И он прекрасен.

— Доброе утро, — говорю ему, когда он ложится рядом, притягивая меня ближе.

— Доброе утро, — его хриплый, вальяжный ответ.

Вместе мы лежим там, потерянные в простынях и руках друг друга, и в тишине не слышно ничего, кроме наших бьющих сердец.

От этого я почти засыпаю, но он нежно трясет меня за плечо.

— Пойдем, сводим собак в парк, — говорит он мне, поднимаясь с постели. — Если Эмили росла в Калифорнии, прежде чем стала бездомной, она, вероятно, никогда раньше не видела снега. Она с ума сойдет от радости.

— Я сойду с ума от радости, — говорю я, подражая его акценту. Я неохотно оставляю тепло одеяла, и посторгазмическое блаженство все еще затуманивает мой разум, но, если не принимать во внимание тот факт, что у меня никогда раньше не было снежного Рождества, я вообще всего лишь несколько раз в жизни видела снег.

Быстро одеваюсь, натягивая тренировочные штаны на флисе, пушистые носки и толстый свитер (или «джермпер», как его называет Лаклан и все остальные в этой стране). Собаки сходят с ума. Лионель бегаёт по кругу в гостиной, Эмили прячется под журнальным столиком и лает, а сладкий старичок Джо, стуча хвостом о пол, сидит у двери в ожидании своего повода.

Мы одеваем намордники на Джо и Лионеля — хотя меня не было в Великобритании около трех месяцев или около того, я надеялась, что они перестанут воспринимать эту породу, как опасную, но нет — надеваем наши пальто и спускаемся вниз по лестнице и на улицу.

— Ничего себе, — говорю я, когда мы стоим на крыльце, разглядывая зимнюю сказку. Мое дыхание замерзает в воздухе и уплывает, утреннее солнце пробирается сквозь низкие облака и освещает снег в столбах бледного золота. Я не могу придумать другого места, которое было бы таким же красивым, как укутанный в снег Эдинбург. Все каменные ряды домов выглядят так, будто сделаны из пряников. На большинстве дверей висят рождественские огни и венки, а через некоторые окна можно увидеть гигантские деревья в гостиной, украшенные блестящей мишурой.

— Когда я проснулся сегодня утром, он все еще шел, — говорит Лаклан, прищурившись глядя на небо. — Надеюсь, что к тому времени, как вернусь с бокса, он все еще будет идти.

— Здесь так красиво, — говорю ему, и, хотя мне хотелось бы увидеть снег, я также знаю, что Лаклан встает в шесть утра, а для меня об этом не может быть и речи. Иногда он идет заниматься боксом, иногда просто берет собак на долгую прогулку. Он справляется феноменально хорошо, пытаясь оставаться трезвым. Ходит к психоаналитику, принимает мягкие успокоительные. Кроме того, дополнительные упражнения, похоже, держат под контролем его демонов. Слово профессионально играть в регби было недостаточно, теперь он вынужден практически постоянно заниматься до изнеможения. Не то чтобы я жаловалась, его тело выглядит лучше, чем когда-либо, что я никогда не считала возможным, и это сделало его еще более активным в постели. Нам ведь многое нужно наверстать.

Он берет мою руку и сжимает. Другой держит поводок Эмили, пока я держу Джо и Лионеля, близнецов в намордниках. Наверное, они выглядят не такими устрашающими, когда их держу я, крошечная азиатка, а не Лаклан, большой, крутой и татуированный мужчина.

А еще Эмили боится всех, кроме него. Хотя сейчас она особенно испугана, широко раскрыв глаза, осторожно обнюхивает снег, шерсть встал дыбом.

Мы осторожно пробираемся по ступеням и переходим улицу, направляясь в парк. Я восхищаюсь тем, как снег мерцает на свету, холод в воздухе, кажется, изгоняет весь городской смог. Опираясь на массивное тело Лаклана, я чувствую себя абсолютно уютно. Счастливой. Какие бы сомнения у меня не были о приезде сюда, как бы все не было стремительно, сейчас, кажется, все это исчезло.

Тем не менее, нельзя игнорировать тот факт, что мне еще предстоит найти работу, не говоря уже о том, что на следующей неделе я проведу Рождество с его семьей в доме его деда на севере за пределами Абердина. Я пытаюсь не показывать Лаклану, как сильно это волнует меня. Знаю, я уже встречалась с его приемными родителями, Джессикой и Дональдом, но это было еще до того, как мы расстались, прежде чем моя мама умерла, до того, как наши жизни полетели к чертям. Я не видела их с тех пор, как вернулась — Лаклан был очень занят регби — и я на грани из-за встречи с его дедушкой Джорджем. Из того, что я слышала, он немного сварливый брюзга, и это сказал Лаклан, который редко говорит что-то плохое о ком-либо.

Пока мы проверяем, чисто ли в парке, прежде чем отпустить собак с поводков, Лионель и Джо роют снег, а Эмили все еще кажется сбитой с толку, я спрашиваю его:

— Как думаешь, в Абердине будет снег?

Он открывает рот, чтобы что-то сказать. Полагаю, он хочет ответить «может быть». Но просто улыбается, кивает один раз, а затем произносит:

— Да, думаю, будет, — притягивает меня ближе, оборачивая сильные руки вокруг моей талии, и изучает мое лицо, — ты переживаешь?

— По поводу снега?

Он прищуривается.

— По поводу Рождества. О том, что будешь в кругу моей семьи, когда ты не так уж часто бывала в их компании.

Не знаю, как этому мужчине удастся так хорошо читать меня.

Я жую губы, жалея, что не взяла с собой какой-нибудь бальзам для губ.

— Да, немного. Я буду в порядке. Честно говоря, я больше беспокоюсь о том, как выбрать для всех них правильные рождественские подарки, — вздыхаю и склоняю голову к его груди. — И потом, я начинаю думать о деньгах на подарки, а затем, о том, как сильно хочу получить эту работу автора, а потом думаю, что случится, если я ее не получу. Что я буду делать? А вот мне хочется, чтоб я могла просто... — я затихаю, с трудом сглатывая. — Хотела бы я, чтоб у меня была возможность поговорить об этом с мамой, хотя бы секунду, понимаешь?

Он сильно выдыхает и целует меня в макушку.

— Кайла, любимая, — мягко говорит он, — знаю, все это будет нелегко для тебя, и с удовольствием приму все, что ты сможешь мне дать. Но моя семья должна быть наименьшей из твоих забот. На самом деле. Им ничего не нужно на Рождество, и ты знаешь, они и так уже любят тебя.

— Я никогда не видела твоего дедушку, — бормочу я, — ты говорил, что он ворчун.

— Ага, — посмеиваясь, говорит он. — Ты же знаешь, я не склонен подслащивать пилюлю. Но если уж я в состоянии справиться с ним, то и у тебя получится. Кроме того, с возрастом он стал немного лучше.

— Я думала, ты говорил, что с возрастом он становится хуже.

— Полагаю, все зависит от Рождества, — говорит он, теперь звуча неуверенно. — Буду с тобой честным, вначале он не воспринимал меня как родственника. Считал меня паршивой овцой. Даже сейчас, хотя я должен быть благодарен, что он вообще считает меня семьей.

Я поднимаю на него глаза. Он, нахмурившись, смотрит вдаль, и я знаю, его затягивает в более темное место.

— Конечно, ты семья. У него было каких-то почти двадцать лет, чтобы привыкнуть к тебе. Ты МакГрегор. Ты — часть семьи.

Он кивает.

— Угу, — рассеянно соглашается. — Но он всегда относился ко мне иначе, чем к Бригсу, чего и следовало ожидать. Я просто понятия не имею, знает ли он о моем текущем состоянии. Джессика и Дональд, возможно, не упоминали мою... проблему.

Говоря это, он имеет в виду, что он алкоголик. Я знаю, признание подобного — первый шаг, но для Лаклана иногда еще тяжело говорить об этом вслух. Я не давлю на него. Он все делает хорошо, и точно знает, в чем его проблема.

Но оказывается, праздники это нечто такое, что может испортить жизнь. Все это время я беспокоилась о своих собственных проблемах, но вдруг стало ясно, что для него тоже не все так просто. Я и понятия не имела об отношениях Лаклана и его дедушки.

— Он любит выпивать? — спрашиваю я.

— Немного слишком, по моему мнению. Знаю, когда я еду домой и иду куда-то с Бригсом, никто не пьет при мне. И я ценю это. Но не знаю, как это будет с Джорджем. Он упрямый гаденыш. Но я справлюсь.

Сжимаю его руку, умоляюще глядя на него.

— И я помогу тебе справиться.

Он мягко улыбается мне, снег освещает его лицо.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Еще несколько минут мы стоим там, в этой зимней стране чудес, наблюдая, как Лионель резвится в снегу, Джо катается на спине, делая собачьих снежных ангелочков, а Эмили просто смотрит на этот холодный новый мир, совершенно не впечатленная им, как обычный старый Скрудж.

Ну и ладно, невозможно всё время выигрывать.

Глава 2

ЛАКЛАН

— Так что, когда собираешь попросить ее выйти за тебя?

Вопрос Бригса настолько неожиданный, что мне с трудом удастся не выплюнуть кофе. Вместо этого, я им давлюсь.

— Что? — удастся выдавить мне, когда я кашляю в руку, глаза слезятся. — Черт возьми, Бригс.

Он посылает мне слабую улыбку, ледяные голубые глаза определенно насмеваются надо мной. Он пожимает плечом, с наслаждением наблюдая за мной.

— Думаю, вполне уместный вопрос.

Проглатываю остатки кофе и откидываюсь на стул, качая головой.

— Это за этим ты меня позвал на кофе? Твоя мама тебя подговорила?

Улыбка исчезает.

— Нет. Совсем нет, — знаю, он хочет добавить, что и она моя мать тоже, несмотря на то, что я усыновлен, но на этот раз сдерживается. — Но не могу не заметить, что Кайла ради тебя переехала в Шотландию. Это не простая интрижка.

— Это никогда не было чем-то простым, — отвечаю я, посылая ему сдержанный взгляд. — И ты в курсе.

Он кивает, отлично зная, через что мы с Кайлой уже прошли, и, глядя в окно, стучит пальцем по краю деревянного стола. Температура была достаточно высокой, поэтому снег растаял, и хотя на улицах грязь, в данный момент в Эдинбурге есть что-то почти сказочное. Я делаю пометку, позже взять Кайлу на Принсес-стрит, чтобы действительно ощутить атмосферу праздника.

Хотя я встречаюсь с Бригсом раз в неделю или около того, было нечто такое в его голосе, что заставило меня подумать, у него есть, что сказать, помимо этого. И то, как он ерзает, когда обычно всегда достаточно спокоен, лишь усиливает мое подозрение.

— А почему мы на самом деле сегодня здесь? — осторожно спрашиваю его. — Не то чтобы я возражал, просто вижу, что у тебя что-то на уме, и это ни я и ни Кайла.

Кроме того, если честно, я рад сменить тему. То, что я чувствую по отношению к Кайле

настолько сильное и настолько личное, что время от времени всепоглощающее. Я все еще не могу поверить, что она здесь, что она вернулась ко мне. Ради меня. Ради себя. Последнее, что я хочу сделать, это сглазить все, раздумывая о браке.

Не то чтобы эта мысль не приходила мне на ум.

Вообще-то она появляется у меня довольно часто. На самом деле, каждый раз, когда я чувствую, что меня затягивает в тень, каждый раз, когда мои руки дрожат из-за необходимости выпить, чтобы убежать от реальности, я думаю о ней. Думаю обо всем этом. Я думаю о человеке, которым должен быть ради нее, навсегда.

Эти мысли лишь успокаивают меня. И совершенно не пугают.

Но они могут напугать ее. Так что я оставляю их при себе. И даже, несмотря на то, что Бригс один из самых близких для меня людей, не хочу говорить об этом ему, еще нет.

Он перестает барабанить пальцами.

— Что ж, — медленно говорит он, — ты прав. — Прочищает горло и посылает мне обнадеживающий взгляд. — Мне предложили должность преподавателя.

Он говорит это настолько обыденно, что я мешкаю, прежде чем вымолвить:

— Правда?

— В Лондоне. Королевский колледж.

Я недоверчиво качаю головой. Бригс потерял работу здесь, в университете, когда несколько лет назад его жена и ребенок погибли в автомобильной катастрофе. Он нашел новое место осенью, но, к сожалению, из-за сокращения бюджета, они отпустили его через месяц или около того, что было полной лажей. Но это, Королевский колледж, именно нечто подобное он давно и хотел.

— Блестяще, — восклицаю я, наклоняясь и хлопая его по руке. Знаю, что ухмыляюсь, как дурак, надеясь, что он, наконец, сдастся и улыбнется. Мне ли говорить такое, но получить настоящую улыбку от Бригса в наши дни — непростая задача. — В киноведении?

Он поправляет шарф на шее.

— Да. Профессор киноискусства. Они хотят, чтобы я преподавал киноведение студентам старших курсов.

— Они хотят тебя? Хочешь сказать, ты у них есть.

— Я ещё не согласился.

Хмурюсь.

— Почему нет?

Он отводит взгляд и пожимает плечами.

— Работа в Лондоне.

— И? Тебе нравится Лондон.

— Да, нет, — быстро говорит он. — Да и ты здесь.

— Бригс, — медленно говорю я, — со мной все нормально. Правда. Я ценю твою заботу, но, ради Бога, это то, чего ты ждал. Работу. Так или иначе, ты будешь не так далеко от Эдинбурга. Уже рассказал Джессике и Дональду?

Он качает головой и делает глоток остывшего кофе.

— Нет. Расскажу. Просто хотел сказать тебе первому. Кажется, меня нужно уговаривать. Царапаю бороду.

— Ну, приятель, не представляю, как тебя убедить. Все что я знаю, это именно то, чего ты хотел. Что тебе было необходимо.

И это правда. Нет необходимости упоминать, что его переезд из Эдинбурга, вероятней

всего, пойдёт ему на пользу. Для него в этом городе слишком много воспоминаний. Каждый раз, когда мне жаль себя и свою собственную борьбу — мои пристрастия, проблемы с тем, что меня бросили в детстве — я вспоминаю о Бригсе и о том, что он потерял абсолютно все. Видеть, как он оправился от произошедшего, поразительно. Тот факт, что его будущее, наконец, открывается ему после всего произошедшего, не что иное, как чудо.

— Ага, — мягко говорит он. — Думаю, мне это необходимо.

— Так скажи им, что согласен.

Мгновение он изучает меня. В его глазах заметна вспышка чего-то непонятного, возможно, беспокойства, но не могу сказать, касается ли оно меня или его самого.

— Когда тебе начинать? — спрашиваю я.

— Не раньше следующего года. Осенью. Но я бы переехал туда в конце семестра, до лета. До начала занятий многое необходимо сделать, и я не собираюсь использовать подобную возможность, не подготовившись заранее.

— Ты же знаешь, это будет действительно хорошо для тебя. Снова стать профессором МакГрегором.

Наконец, на его лице появляется улыбка, широкая и, как всегда, обезоруживающая.

— Да, я буду скучать по Шотландии, это точно. Но перемены... я готов к ним. Смею думать, что и они готовы ко мне.

Хотя мы не связаны кровным родством, мы, во многих отношениях похожи. Как и я, Бригс не любит слишком долго размышлять над вещами, особенно теми, которые требуют долгих и напряжённых раздумий. Он заводит разговор о регби, лёгкая тема для нас обоих.

Но, пока он продолжает, высмеивая некоторые из моих игр, потому что это то, что он делает, я не могу не вернуться к тому, что вчера сказала Кайла о Рождестве. Как тяжело это будет для нее. И для Бригса оно будет не легче. И с алкоголем, который обычно все пьют по праздникам, стрессом, плюс необходимостью общаться с Джорджем, который, если честно, может быть расистом, а временами и категоричным мудаком, похоже, Рождество превращается в один сплошной ад.

Просто мысль об этом воскрешает искусителей, скользящих по моим венам, как старые друзья. Я заказываю еще один кофе для борьбы с ними (кофеин стал моим лучшим другом в этой битве), прощаюсь с Бригом, а затем возвращаюсь в квартиру к Кайле.

— Как Бригс? — спрашивает она меня, когда я вхожу и сбрасываю ботинки. Лионель прыгает на меня, язык вываливается из его широкой пасти, прежде чем побежать обратно на диван, чтобы прижаться к Джо.

Снимаю шапку и куртку, вешаю их.

— На самом деле, отлично.

Рассказываю ей новости о его работе в Лондоне.

— Боже мой, — причитает она, хлопая в ладоши и издавая небольшой возглас радости, который я нахожу чертовски восхитительным. — Это так классно! Он, должно быть, очень счастлив! Какой он, когда счастлив?

Я усмехаюсь и направляюсь на кухню, чтобы поставить чайник.

— Ну, он немного сомневается. Не знаю, почему именно. Говорит, что не поклонник Лондона, что странно, потому что он любил ездить туда.

— Может быть, он просто боится перемен, — говорит она, прислонившись к дверному проему и наблюдая за мной. Смотрю на нее, пока наполняю чайник. Ее брови задумчиво сведены вместе. — Знаешь, в некотором смысле мне было очень тяжело приехать сюда. Не

только в плане смены страны, но... покинуть Сан-Франциско это словно покинуть ее, — она с трудом сглатывает, и я практически вижу, как горе накатывает на нее. — У меня было чувство, что город был моим последним связующим звеном с мамой. Но... время пришло. Мне пришлось двигаться дальше. Я не могла оставаться там, — она смотрит на меня со слезами на глазах. — Не могла вынести ни минуты без тебя.

Господи. Вот она, мой прекрасный мир, разбивающий мое сердце на кусочки.

Ставлю чайник и тянусь к ней, заключая в объятия. В последнее время она безумно хрупкая, как прекрасный хрусталь.

— Эй, — крепко обнимая, шепчу ей в волосы. — Я тебя понял.

Тяжело дыша, она всхлипывает рядом.

— Просто хочу, чтобы это уже закончилось. Я чувствую себя так, словно меня разрывает изнутри. Постоянно. Каждую минуту. Я очень сильно люблю тебя, Лаклан, на самом деле. И это делает меня такой чертовски счастливой. Но потом вспоминаю, что я потеряла, насколько сильно скучаю по маме, и тогда я просто не знаю, как себя чувствовать. У моего сердца шизофрения.

— Думаю, это нормально, — мягко говорю ей. — И хотел бы я, чтобы для тебя сразу все стало легче, но на это требуется время. Ты почувствуешь себя лучше, и все образуется. Но, несмотря ни на что, я не хочу, чтобы ты чувствовала себя виноватой за свое счастье. Твоя мама всегда хотела для тебя именно этого. Тебе нужно признать это.

Она вздыхает.

— Я знаю. Знаю.

— Вот что я тебе скажу, — говорю я, откидываясь назад и приподнимая ее подбородок. Даже со слезами, текущими по лицу, она невыносимо красива. — Сегодня вечером я отведу тебя на рождественскую ярмарку на Принсес-стрит. Мы съедим кучу ерунды и будем кататься на всём, чем только можно, пока нам не станет плохо. Звучит отлично, а?

Наконец, я вижу ее улыбку.

— Звучит одновременно и удивительно, и ужасно. Я в деле.

— Хорошо, — говорю я, проводя большими пальцами по ее щекам и стирая слезы. Нежно целую ее в губы, пока она не расслабляется.

И теперь я знаю, я снова заставил ее почувствовать себя в безопасности, пусть даже ненадолго.

***

Эдинбургский рождественский базар — один из самых красивых рождественских базаров в мире. Мы с Кайлой несколько раз бывали здесь днём, но обычно проходили мимо. Вечером же здесь все совершенно по-другому.

Представьте себе: длинная прямая линия Принсес-стрит полностью светится белым, золотым, зеленым и красным. Лавки с их мерцающими и тщательно отобранными рождественскими товарами находятся с одной стороны, в то время как сад Принсес-стрит — с другой, заполненный рыночными киосками, сверкающими аттракционами, такими как: каток, «Двухэтажная карусель», «Звездный пилот» и колесо обозрения, и даже «Поезд Санта-Клауса». Люди повсюду, они идут в комплекте с этим местом, смеются, дети бегают, и все это пахнет карамельной кукурузой, глинтвейном и хвоей. Рождественские песни, распеваемые со всех сторон, создают объемный звук.

Это чистое рождественское блаженство, если вы занимаетесь такими вещами, и я думаю, именно это и необходимо Кайле, чтобы проникнуться духом праздника и вернуть улыбку на лицо.

— Боже мой, — говорит Кайла, когда мы поворачиваем за угол, и целый сверкающий мир загорается перед нами. Ее глаза раскрыты широко-широко, как у маленького ребёнка, и я не могу не усмехнуться, крепко прижимая ее к себе. — Здесь потрясающе!

— Подумал, это может приободрить тебя, — говорю ей. — Здесь невозможно быть в плохом настроении.

— Да, — говорит она, оглядываясь на толпу людей, блуждающих туда-сюда. — Хотя я не очень-то люблю людей, по крайней мере, здесь все выглядят счастливыми.

Я не большой любитель толпы или вообще людей — возможно, одна из многих причин, почему нам вдвоём так хорошо вместе — но здесь они добавляют всему происходящему необходимого духа. Удивительно, что вы готовы простить в это время года.

Кайла хочет пойти на колесо обозрения, так что мы направляемся к нему.

— А я-то думал, ты боишься высоты, — говорю я, вытягивая шею назад, чтобы посмотреть на гигантское колесо обозрения с закрытыми кабинками. Внутри видны тени людей, и, должно быть, оттуда открывается поразительный вид.

— Так и есть, — признает она. — Но думаю, твоё принятие собственных страхов сказывается на мне.

Но когда мы приближаемся к очереди, то узнаем, что ждать не менее часа. Так что вместо этого, мы отправляемся к рыночным киоскам. Оба берём по чашке горячего глинтвейна. Я беру безалкогольный, как и Кайла. Уже несколько раз я говорил ей, что только то, что я больше не пью, не означает, что она тоже должна воздерживаться, но она всегда отказывается. Ее поддержка в таких самых тонких вопросах иногда выбивает меня из колеи.

— Эй, помоги мне выбрать что-нибудь для твоей семьи, — беря меня за руку, говорит она и тянет к продавцам.

Я осматриваюсь, постукивая пальцами по губам. Большинство вещей ориентировано на Рождество.

— С Джессикой и Дональдом одновременно и трудно, и легко, — говорю ей. — Знаю, это не очень помогает, но это правда. У них есть все, что они могут захотеть, но что им всегда нравится, так это когда дарят нечто личное. Что-то, что заставило тебя подумать о них, что ты могла представить у них дома.

— Это поможет, — говорит она, глядя на меня с надеждой. — Хочешь посмотреть подарок со мной?

Я улыбаюсь ей.

— Конечно, я пойду. Но выбираешь ты.

Она театрально надувает губы, прежде чем переключить внимание на ряды товаров.

— Хорошо. Но если ты решишь, что они возненавидят то, что я выберу, ты должен сказать мне.

— Идёт.

Забавно наблюдать за Кайлой, когда она пытается найти правильный подарок. Она переходит от палатки к палатке, задает вопросы продавцам, изучая каждый предмет, словно оценщик на аукционе. Наконец, она останавливается на пластиковой коробке изысканных стеклянных ёлочных игрушек, которые выглядят так, словно им около ста лет.

— Они винтажные, — говорит она, читая этикетку. — У Джессики очень хороший вкус в вопросах дизайна, особенно, если дело касается антиквариата. По крайней мере, если судить по их дому, — и вручает коробку мне. — Посмотри поближе. Внутри стекла миниатюрные памятники Эдинбурга, сделанные будто из инея.

Я смотрю на них и замечаю Эдинбургский замок в одном и собор в другом, органично расположившиеся внутри стеклянных шаров, как миниатюрный, заснеженный мир. Они очень красивые, и, я полагаю, Джессика подумает, что они совершенно потрясающие. Дональд будет просто рад чему угодно, если это делает его жену счастливой.

— Годится, — говорю, вынимая пару банкнот и передавая продавцу, который с радостью принимает их.

— Теперь Бригс, — говорит она, прижимая пакет к груди.

— С ним просто, — говорю ей. — Хайбол для виски. Он их коллекционирует.

Кайла поднимает бровь.

— Уж слишком легко. Дай-ка угадаю, ты уже много лет даришь ему такие.

Пожимаю плечами.

— Мы оба способны выдержать в отделе подарков крайне мало времени. И это намек от меня тебе. В смысле, не покупай мне ничего.

— О, не буду, — говорит она, хотя знаю, она это сделает. И это напоминает мне: я должен купить ей подарок. Всю неделю раздумываю над этим, и ничего не могу придумать. Во всем мире нет ничего такого, что могло бы выразить то, как много она значит для меня.

— Бригс преподает киноведение, да? — спрашивает она, когда мы берем горячие жареные каштаны. — В смысле, хоть он и преподаёт его, он, очевидно, любит кино.

Я киваю.

— Ага, — говорю я, прежде чем вдохнуть аромат каштанов. Они всегда делают для меня Рождество более реальным. Даже когда я был молодым парнем, и у меня не было настоящего Рождества, каждый декабрь моя биологическая мать всегда покупала для меня парочку. Одно из немногих хороших воспоминаний, оставшихся у меня из детства. В некотором смысле, подобная редкость оставила след в моей памяти на все последующие годы.

— Итак, — говорит она, когда мы доходим до ларька, где карикатурный художник делает набросок извивающейся маленькой девочки, — мы могли бы купить рисунок у этого парня, — она кивает на то, что висит на стенах палатки, некоторые простые люди, другие знаменитости, от Одри Хепберн до Канье-Уэста. — Или, — продолжает она, — у тебя ведь есть в телефоне его фотография? Мы могли бы нарисовать карикатуру на него в образе любого киношного субъекта, который ему нравится.

— Киношный субъект? — повторяю я, прикусывая губу, чтобы не рассмеяться.

Она закатывает глаза, шлепая меня по руке.

— Ты понимаешь, о чем я.

Я вздыхаю, скреживая руки на груди, и смотрю на ряды рисунков. Было бы совершенно нелепо вручить что-то подобное Бригсу, но в то же время, думаю, он способен оценить такой подарок за его комичность. Может быть, Кайла права. Обычные вещи через какое-то время надоедают, а эта будет подольше оставаться на счету.

— Ну, он всегда был большим поклонником Бастера Китона, — говорю я, — посмотрим, получится ли у тебя, — вынимаю свой телефон, листая к нашей с Бригсом фотографии. Мы оба улыбаемся, и у него ослепительно белые прямые зубы. Художнику будет очень весело высмеять их.

Кайла выхватывает телефон у меня из рук, пристально смотрит на фото, а затем ждет, пока художник не закончит рисовать девочку, а потом объясняет, чего мы хотим.

Мужчина пожимает плечами, словно каждый день рисует Бригса в роли Бастера Китона, и мы соглашаемся на цену, прежде чем он начинает работать.

— Знаешь, что мне кажется, нужно Бригсу? — говорит Кайла, пока мужчина рисует, работая намного быстрее, чем я думал. — Собака. Ты должен убедить его взять одну из твоего приюта.

Криво улыбаюсь ей, засовывая руки в карманы.

— Поверь мне, я пытался. После того, как он потерял Миранду и Хэймиша, я подумал, собака может помочь ему преодолеть горе. Но он не был заинтересован. Он был слишком погружен в свой собственный мир, что я вполне понимаю. И да, он тоже любит собак — он всегда спрашивает о Лионеле и рассуждает, как однажды усыновит кого-нибудь. Но я не настаиваю. Думаю, собаки приходят к тебе тогда, когда ты в них нуждаешься так же, как и они нуждаются в тебе.

— Типа, как ты и Эмили, — говорит она.

— Как ты *и* Эмили, — поправляю я ее. — Не то чтобы я сравнивал тебя с собакой.

Она поднимает бровь.

— Порой я веду себя как сучка.

Прохладно смотрю на неё.

— Вы обе появились в моей жизни, когда я больше всего нуждался в вас. Просто потребовалось время, чтобы понять это.

Она ухмыляется.

— Что ж, прошла лишь неделя, как ты все понял.

— Теперь, когда я знаю, что терял, время длинной больше, чем секунда, кажется вечностью.

Проходит немного времени, пока мужчина прекращает рисовать, протягивая бумагу и любуясь ею с резким кивком головы, как тот, кто только что нарисовал шедевр.

Он показывает ее нам, и мне приходится сдерживать смех. В некотором смысле, это шедевр. У парня есть талант... и этот талант поспособствовал тому, что Бригс выглядит настолько смешно, насколько это возможно. На нем шляпа Бастера Китона и обязательные мешки под глазами, но он улыбается — редкость и для Китона, и для Бригса — и его зубы занимают половину лица.

Но Кайла есть Кайла, она, конечно же, не сдерживается. Она смеётся — громко — и указывает на рисунок пальцем.

— Боже мой! — восклицает она, прижимая руку ко рту. — Посмотри на Бригса! Он выглядит, как чертов сумасшедший. Он наполовину Бастер Китон, наполовину мистер Эд, — улыбаясь, она смотрит на меня с хитрым блеском в глазах. — Он возненавидит этот рисунок. Здорово.

Художник хмурится, и я быстро плачу ему за работу, говоря, что он отлично поработал. Это не мешает ему пристально смотреть на Кайлу, когда он медленно сворачивает портрет и надевает на него резинку, громко хлопая ей.

Кроме рождественского шоппинга, здесь на самом деле особо нечего делать. Группа парней проходит мимо, сжимая пиво руками в перчатках, и что-то внутри меня напрягается. Темнеет. Не совсем похоже на зарождающееся пламя, но будто тихий черный огонь, распространяющийся внутри меня.

Я и не понимаю, что сжимаю руку Кайлы — и свою челюсть — пока она не спрашивает:

— Что-то не так?

Мое горло ощущается слишком болезненным, чтобы говорить. Тело горит огнем и нуждается в этой ужасной, неумолимой, нежелательной потребности. Лишь от простого вида нескольких сортов пива. Если бы я не был настолько занят, будучи раздираемым одновременным отвращением к себе и страхом, я бы упивался изумлением. Как я могу за одну минуту перейти от нормального и сдержанного состояния, к такому, где моя душа практически кричит. Никогда не пойму этого и никогда не избавлюсь от подобного состояния.

Наличие зависимости во многом похоже на горе. Оно пронизывает каждую частичку тебя.

Качаю головой.

— Я в порядке, — удаётся выдавить мне, голос грубый. — Давай просто пойдём домой.

Нахмурившись, она кивает.

— Ладно.

Но когда мы направляемся к улице, она тянет меня, останавливаясь около одного из последних киосков. Прежде чем у меня появляется возможность спросить ее, что она делает, Кайла хватает горсть мишуры серебристого, красного и зеленого цветов, гирлянду, а также несколько дешевых украшений и остроконечную золотую звезду.

Должен признаться, я благодарен за отвлечение, хотя это и приводит меня в замешательство.

— Но у нас нет дерева, — говорю ей, поскольку она быстро платит за все это. Я беру пакет у продавца, и мы направляемся по дороге, срезая по Ганновер-стрит.

— Об этом не переживай, — возражает она.

Как только мы оказываемся внутри, собаки, виляя хвостами и высунув языки, бегут к нам, радуясь, что мы дома. Сама квартира, кажется, выдыхает с облегчением от нашего присутствия, или, может быть, это только я так делаю.

— Я лучше выведу их, — говорю Кайле, беря поводки.

— Пока не ушёл, можешь разжечь огонь? — спрашивает она. — Хочу, чтобы все было уютно, когда ты вернешься. И вообще, возьми их на долгую прогулку.

Я делаю паузу.

— Что происходит?

— Ничего, — говорит она, хотя ее тон предполагает иное.

Мгновение я наблюдаю за ней, наслаждаясь тем, как уголки ее губ немного приподнимаются, когда она замышляет что-то особенное. И зная ее, особенное обычно означает нечто сексуальное. Да я и не жалуясь.

Хоть никогда раньше я и не использовал мраморный камин в гостиной, с тех пор, как она переехала, мы разжигали огонь в холодные дни. Там остался небольшой кусочек дерева, который я когда-то держал в основном по декоративным соображениям, поэтому я бросаю туда остаток с какими-то щепками и поджигаю.

Когда я доволен тем, как разгорелся огонь, беру скулящих собак и возвращаюсь на улицу, через плечо, бросая взгляд на Кайлу. Она почти дрожит от энергии, щеки покраснели. Она определенно что-то задумала.

Я не тороплюсь, прогуливаясь с собаками по парку, а затем вниз к водному пути Лейта.

Звезды над ним проглядывают сквозь быстро движущиеся белые облака, пылающие от городских огней, и даже, несмотря на то, что на Принсес-стрит весело и громко, здесь очень тихо, окрестности словно задержали дыхание. Ряды каменных домов молча стоят, освещенные рождественскими огнями. В крошечных двориках у некоторых квартир стоят какие-то символы праздника, может быть, статуя Санта-Клауса или пластиковый снеговик. На других — висят лишь венки или желтые фонарики. Когда ночь приближается, становится холодней, и то, что осталось от снега, хрустит под моими ботинками.

Я рад, что Кайла попросила меня погулять подольше. Фактически всегда, когда я чувствую, что проигрываю битву с собой, прогулки помогают мне. Долгие прогулки. И секс. И у меня такое чувство, что сегодня вечером она точно знает, что надо делать.

И это еще одна причина, почему я так безумно люблю ее. Речь идет не только о соединении, скрепляющем нить, которая связывает вас с кем-то другим. Речь идет о том, что происходит на обоих концах этой нити. Вы не просто связаны с этим человеком, вы и есть тот человек. Кайла знает меня, всего меня, и принимает каждую потерянную, искаженную, поврежденную часть.

Мне никогда не нужно ничего говорить ей. Она внутри меня, она знает. И, несмотря на все это, любит меня. В мире, где магия не должна существовать, меня иногда ошеломляет любовь, потому что, как это может быть что-то иное, кроме мистического, волшебного? Любовь направляет нас, если мы сбились с пути.

Эмили позади меня негромко лает, вырывая меня из моих мыслей. Я тянусь к ней и беру ее на руки. Она замерзает быстрее других собак и не боится сообщить мне об этом. Хотя я никогда не был поклонником одежды для собак, возможно, крошечный рождественский свитер будет приемлем для старенькой ворчливой собачонки.

Когда я понимаю, что гуляю почти полтора часа или около того, направляюсь обратно в квартиру, практически скользя по льду на улице, до того, как добраться по ступенькам на наш этаж.

Останавливаюсь за дверью и прислушиваюсь. Слышу рождественскую музыку, какую-то джазовую версию, доносящуюся из-за двери.

— Я вернулся, — кричу я, заходя в холл. Меня сразу поражает теплый запах горячего шоколада. Дверь в столовую открыта, но дверь в гостиную закрыта. Собаки мчатся к столу у стены, где дымится кружка с какао. Я ловко отцепляю поводки, а затем поднимаю записку рядом с кружкой.

Приходи к камину один. Захвати горячий шоколад.

— Приходи один, — читаю я вслух. Поднимаю бровь и смотрю вниз на собак. — Простите, ребята. Таков приказ.

Поднимаю кружку и делаю глоток — он густой, более похожий на расплавленный шоколад, чем на горячий, но все же вкусный — затем кладу руку на ручку двери в гостиную, медленно поворачивая ее и открывая дверь.

Естественно, собаки мчатся ко мне, но я отталкиваю их ногой и, закрывая за собой дверь, захожу в комнату.

В комнате темно, за исключением свечения от камина, купающего комнату в мерцающем свете. Мне необходимо мгновение, чтобы глаза приспособились, и я нигде не вижу Кайлу, пока не понимаю, что смотрю прямо на ее силуэт у окна.

— Кайла?

Делаю несколько шагов к ней, а затем останавливаюсь. Она стоит, положив руки на

бедра, но совсем не двигается. Она ничего, лишь тени и формы, и я не вижу ее лица.

— Иди к розетке у дальней стены и вставь в неё вилку, — говорит она, голос хриплый.

— Хорошо, — неуверенно отвечаю я. Теперь я совершенно не знаю, что, черт возьми, происходит, но делаю так, как она говорит.

Появляется искра, а затем сияние рядом со мной. Я поворачиваюсь, и моя челюсть практически падает на пол, когда Кайла стоит там, абсолютно, мать вашу, обнаженная, с огнями гирлянды, обёрнутыми вокруг нее от лодыжек до самой шеи.

— Что за черт, — затаив дыхание, произношу я, выпрямляясь и проводя рукой по челюсти. — Что ты делаешь, сумасшедшая девчонка?

Она резко смотрит на меня, что трудно воспринимать всерьез, когда она — голая рождественская елка.

— Отвлекаю тебя с помощью рождественского настроения, вот что я делаю. Теперь укрась меня, — она кивает на коробку с мишурой и украшениями рядом с ней.

Могу лишь смотреть на неё.

— Я сказала, укрась меня, — говорит она. — Я твоя елка. Укрась меня.

Теперь это... это нечто новое. И хотя я хочу стоять там, смотреть на нее и почесывать голову, я замечаю слабое волнение в ее глазах от мысли, что я могу посмеяться над ней, из-за чего она смущается. Мне нравится, когда щёчки Кайлы краснеют от смущения, но не тогда, когда она голая, уязвимая и в опасном положении.

Потому что мне придётся притвориться, что она гребаное дерево.

— Да, мэм, — протягиваю длинную цепочку серебряной мишуры и смотрю на ее обнаженное, сияющее тело. — С чего мне начать?

— С чего хочешь, — отвечает она.

Поэтому я начинаю с ее лодыжек. Обматываю мишуру вокруг провода гирлянды, чтобы удержать ее на месте, затем веду ленту вокруг икр и бедер. Останавливаюсь между ее ног и скольжу пальцами по мягкой коже между бедер. — Здесь? — спрашиваю я, мой голос уже хриплый от похоти. Не могу игнорировать тот факт, что у меня есть одна чертовски сложная проблема с собственными джинсами, то, с чем придется столкнуться, прежде чем ночь закончится.

— Ммм, — говорит она, и я медленно провожу пальцами по её киске, слегка обводя клитор. Даже не уверен, хочу ли продолжать, особенно, когда она очень громко стонет, и ее ноги начинают дрожать.

— Не останавливайся сейчас, — шепчет она, и я ввожу в нее сначала один палец, а затем два, настолько плотную и влажную, что это опьяняет. Она сжимает мои пальцы, и мои шары, член и грудь, словно заключены в горячие тиски. Весь воздух покидает мои легкие.

— Нет, — низко и напряженно говорит она. — Не прекращай украшать меня. Все не может закончиться так быстро.

— О, да ты обломщица. Никогда не раньше не заставлял рождественскую елку кончать.

— У тебя ещё будет возможность, поверь мне, — говорит она.

Неохотно вытаскиваю пальцы и размазываю ее влагу по ее же животу, немного забавляясь, когда прижимаю к ней мишуру.

— Ну, если ты даешь мне свободу действий, — говорю я, — имею в виду, мишура не хочет оставаться на тебе сама по себе.

Она улыбается мне, лицо освещено ее собственными огнями, и при этом выглядит чуть нелепо и смешно сексуально.

— Для этого и нужен горячий шоколад. Именно поэтому я сделала его очень густым. Или, знаешь ли, твой собственный вклад, хотя давай оставим его на потом.

Смотрю на кружку горячего шоколада и беру ее. Он был уже слишком густым, а теперь, когда остыл, напоминает расплавленное шоколадное месиво.

Не колеблясь, я окунаю пальцы во все еще теплую кружку и начинаю разрисовывать ее тело. Прохожусь по мягкому животу, то рисуя, то облизывая ее, затем размазываю шоколад по ее груди, уделяя дополнительное время твердым соскам.

У нее перехватывает дыхание, она снова дрожит, и я поднимаю мишуру, прижимая ее, пока та не приклеивается. Размазываю шоколад толстым слоем — по ее тонкой шее, ключицам, плечам, рукам, двигаясь к позвоночнику, пояснице и маленькой дерзкой попке. Беру больше мишуры, теперь золотую и зеленую, и снова и снова оборачиваю вокруг нее.

Я адски заведён. Член в джинсах напряжен, словно пытается найти способ вырваться из заточения. Не знаю, как долго смогу продолжать сдерживаться. Дело в том, что это может быть самый странный способ, которым кто-либо когда-либо пытался подбодрить меня или отвлечь, но я, черт возьми, благодарен, что у меня есть такой вдохновитель, как Кайла.

— Теперь украшения, — говорит она, переступая с ноги на ногу. Я знаю, она устала стоять, поэтому делаю все быстро.

К счастью, единственные украшения в коробке сделаны из мягкого войлока. Ничего из стекла или металла, которые могли бы сломаться или поранить нас, когда я решу повалить ее на пол. Потому что, давайте посмотрим правде в глаза, это именно то, что произойдет дальше.

Мне удастся повесить лишь несколько украшений. Два на уши, несколько на пальцы, когда я ворчу:

— Ладно, достаточно. Теперь хочу, чтобы ты встала на колени на полу.

— Ещё нет, — говорит она, улыбаясь словно дьявол. — Ты должен одеть звезду.

Господи Боже. Смотрю в коробку и вижу верхушку звезды. Хватаю ее, растягиваю золотые нити, чтобы она могла держаться на голове Кайлы, а затем надеваю ее туда. Ее корону.

Отхожу назад и рассматриваю ее.

— Как я выгляжу? — спрашивает она, ее тело в шоколаде и мишуре освещено рядами огней.

Она выглядит, как сексуальная королева-инопланетянка. Как кто-то из странных научно-фантастических порно фильмов, которые Бригс тайно проносил домой, когда я был подростком.

— Ты похожа на ангела, — говорю ей, надеясь, что это звучит лучше. — Вся светишься, словно елка. С другой планеты. На самом деле ты, возможно, самое странное, что я видел в жизни.

— Но все ещё достаточно горяча, чтобы трахнуть, да?

Я могу лишь зарычать в ответ. Подхожу к ней, чувствуя, что внутри меня нет ничего, лишь горячая кровь, пульсирующая по венам, и глубокая, жадная необходимость разрушить ее. Я создал это великолепное существо, и теперь собираюсь осквернить ее, упиваться своей силой как творцом.

И даже больше, чем это, я чувствую лишь любовь к этой женщине, которая всегда хочет помочь, даже, когда я сам не в силах помочь себе.

Хватаю ее за талию и заставляю встать на колени, при этом осторожничая, чтобы она

не поранилась о гирлянду. Затем обхожу ее, когда она встает на четвереньки, и отталкиваю мишуру от ее попки. Массирую ее половинки руками, скользя по шоколаду, разводя их, и снова сводя вместе.

Затем, обняв ее маленькую, покрытую мишурой талию, расстёгиваю молнию и вынимаю член, горячий и пульсирующий в моей руке. Знаю, она мокрая, я практически ощущаю ее запах, и прижимаю фиолетовую голову члена к ее гладкости, толкаясь с тугим, но легким толчком.

Я постанываю, останавливаясь на мгновение, чтобы позволить шелковистой, горячей сладости обхватить меня.

Ничего в мире не ощущается так хорошо, как это.

Как она.

Как Кайла.

Моя сияющая принцесса.

Моя.

Затем, после долгой, дразнящей паузы — вперёд-назад — даю себе волю.

Грубая, животная часть меня берет верх.

Часть, которая нравится нам обоим.

Я оставляю царапины от ногтей на ее спине, попке, бёдрах.

Шлепаю ее.

Оскверняю ее.

Называю грязными словечками.

Вколачиваюсь так сильно, что ее голова подпрыгивает от толчков, лучи мерцают и дрожат, и я чувствую себя гребаный сверхчеловеком.

Становится грязно — повсюду горячий шоколад и серебристая мишура. И горячо.

Сильнее, глубже, жёстче.

Я трахаю ее так, словно больше никогда не увижу, словно больше никогда не почувствую. Трахаю ее так, будто пытаюсь оставить часть себя внутри нее, ту, которая никогда не исчезнет, не важно, как сильно бы она ни старалась.

Я трахаю ее, пока не кончаю горячо и громко, перед глазами огни, моя сперма выстреливает в нее, изливаясь до последней капли, и она выкрикивает мое имя, а я кричу ее.

Мы кончаем вместе, как единое целое, всегда едины.

И когда во мне ничего не остаётся, я целую ее потную спину и щеку, когда она поворачивает голову и предлагает ее мне. Мы оба тяжело дышим.

Оба такие обессиленные и грязные.

И, черт возьми, совершенно точно предназначенные друг другу.

Глава 3

КАЙЛА

Когда я просыпаюсь, мое тело покрыто мишурой.

В смысле, знаю, я полностью обнажена, но, благодаря фрагментам мишуры, прилипшим к каждому дюйму меня, по-прежнему похожа на железного дровосека. Направьте на меня свет, раскрутите, и я самый настоящий диско-шар.

Господи. Кто же знал, что Рождество может стать таким соблазнительным? Хотя ведь

это была моя идея, чтобы он украсил меня, как рождественскую елку.

И она сработала. Когда он пришел вчера домой после встречи с Бригсом, я поняла, с ним что-то не так. И совершенно не помогло то, что упоминание Бригса привело меня к моей собственной нисходящей спирали печали, грусти и стыда. Я знаю, что добавляю Лаклану дополнительных проблем, когда совершенно не хочу этого. Я хочу быть сильной, хочу справляться со всем сама. Хочу, чтобы мама гордилась, что я сама могу преодолеть свое горе.

Но, проклятье, это тяжело. Лаклан был очень терпелив, хотя я знаю, он сражался со своими собственными проблемами.

Поэтому я решила, что, может быть, мне нужно отвлечь его. Черт, давайте будем честными, речь шла и о том, чтобы отвлечь меня. Если я не горюю о маме и не волнуюсь о своем переезде сюда, я беспокоюсь о Лаклане или о работе, которую очень хочу получить (о чем я должна узнать со дня на день). И, хотя наша сексуальная жизнь не нуждается в улучшении, чем больше мы занимаемся сексом, тем яснее становятся наши головы и сердца. По крайней мере, похоже, для меня так и есть.

— Малыш? — зову я, потягиваясь в постели.

— Угу, — слышу из другой комнаты и вздыхаю с облегчением. Он просовывает голову в спальню, чашка кофе в руке, и смотрит на меня, с улыбкой кусая губу.

— Мы устроили неплохой бардак, — говорит он, подходя ко мне и вручая чашку кофе. — Держи, только что налил. Сделаю себе другой.

До того, как я смогу возразить, он покидает комнату. Я делаю глоток кофе, а затем улыбаюсь своему серебряному «я». Даже и не думаю одеваться ради приличия. Если бы могла, я бы все время ходила без одежды.

Когда Лаклан снова возвращается с другой чашкой для себя, спрашиваю:

— Ты уже ходил на бокс?

— Вообще-то, нет, — говорит он, присаживаясь на край кровати. — Было слишком лениво. Поспал немного и вывел собак на прогулку. Планировал пойти туда позже. Хочешь поехать со мной?

Никогда не видела, как Лаклан боксирует. С тех пор как вернулась, я дважды ходила на тренировку по регби, но обычно он уходит на бокс так рано, что у меня никогда не было возможности пойти с ним, хотя он несколько раз звал меня с собой.

— С радостью, — говорю ему. — Я буду бороться с тобой?

Он усмехается. Улыбка освещает его лицо, заставляя выглядеть моложе.

— Если хочешь. Или можешь просто посмотреть, хотя не уверен, насколько тебе это будет интересно. В основном, я боксирую в паре с Джейком, моим тренером, или с грушей, — его глаза пробегают по моему телу. — Нужна помощь, чтобы снять это все?

— Я бы не прочь как следует помыться, — признаюсь я, выпрямляя ногу и проводя пальцем по его бедру в попытке соблазнения. — Оказывается сперма, шоколад и мишура создают на удивление супер-клейкую массу.

— Кто бы мог подумать?

Мы оба в рекордные сроки допиваем кофе и, конечно же, оказываемся вместе в душе. Я слышу, как Эмили скребется у двери, именно это она и делает, когда мы в душе вдвоём.

— Знаешь, — говорит он, скользя мочалкой вниз по моим рукам, брови нахмурены в напряжении, — если ты не получишь работу в газете... — я напрягаюсь, и он делает паузу, глядя мне в глаза. — Я сказал «если». Если не получишь, знай, ты всегда можешь работать в

«Любимом забияке».

Я вздыхаю, закрывая глаза. С тех пор как я вернулась в Эдинбург, надеясь найти работу, Лаклан предлагает мне место в своем приюте для животных. И я понимаю, знаю, глупо, что я просто не принимаю это. Полагаю, во всем виновата моя упрямая гордость, которая продолжает выигрывать. Не хочу чувствовать, что обязана ему чем-то, и, хотя место было бы законным, немного странно, если ваш парень будет платить вам зарплату.

— Знаю, ты не хочешь, — тихо говорит он, — но Амаре нужна помощь. Мы принимаем все больше и больше собак, и, если бы вас там было двое, мы могли бы сделать намного больше. Ты бы не просто занималась административной работой, а делала бы многое другое, и я знаю, у тебя бы отлично получилось, — он замолкает, облизывая губы, когда вода стекает по его лицу. — Это не обязательно должна быть твоя единственная работа. И я предлагаю ее тебе не потому, что влюблен в тебя. А предлагаю потому, что думаю, она сделает тебя счастливой.

Забавно. Впервые побывав в приюте, я подумала, что не смогу там работать. Видеть изо дня в день этих милых, бездомных собак, зная, что, в конце концов, некоторые из них останутся здесь, никогда не найдут свой дом, было душераздирающим зрелищем. Но после того, как я несколько раз вернулась и получше узнала Амару, девушку, которая управляет приютом Лаклана, я увидела надежду во всем этом. Какую пользу приносит любовь Лаклана, его организация, как они на самом деле меняют что-то.

— Я подумаю об этом, — говорю ему, как делаю часто. — Просто я действительно хочу сделать все сама, понимаешь?

— Понимаю.

Единственная проблема заключается в том, что я пытаюсь найти работу здесь в качестве автора. Я создала довольно хорошее портфолио еще в Сан-Франциско. И знаю, работать нелегко, особенно, когда я не резидент этой страны, и, если я что-нибудь и найду, то без оплаты. Но если бы я только смогла получить эту работу в бесплатной ежедневной газете «24 часа», она не только обеспечила бы мне что-то устойчивое и (надеюсь) постоянное, но я бы чувствовала, что достигла чего-то. Уход с работы в «Бэй Эриа Уикли» был одной из самых сложных вещей, которые я когда-либо делала, хотя я должна была так поступить. Я просто не хочу двигаться назад.

После того, как я становлюсь чистой без единого следа спермы или мишуры, мы одеваемся и садимся в «Рендж Ровер» Лаклана, направляясь в его спортзал.

Я видела множество боксерских фильмов, поэтому думала, что знаю, чего ожидать. Ну, знаете, обшарпанное, темное помещение, типа склада, с множеством сердитых парней, одетых в толстовки и бьющих «грушу», пока тренеры кричат на них и называют по именам, импровизированные матчи на ринге, которые заканчиваются тем, что кто-то оказывается в нокауте, а так же бесчисленные насмешки и оскорбления. Как обычно.

Но здесь все не так. Да, это склад на окраине города, но я удивлена, потому что внутри он светлый и просторный. Здесь не так уж много людей, лишь пара боксирует в одной части, а другая борется друг с другом на широком коврике, мягкая версия UFC¹.

— Так вот, где творится магия, — говорю я Лаклану.

Он хмыкает что-то в ответ, посылая мне скромную улыбку. Я в курсе, как он любит преуменьшать свои умения, но он боксирует уже давно, и, зная, как обычно он на сто процентов выкладывается во всем, за что бы не брался, он будет хорош.

Так и есть.

Я сажусь на скамейку, а его тренер Джейк выходит познакомиться со мной. Думаю, я ожидала кого-то типа Эрнеста Боргнайна, полного и старого, готового к Рокки, может быть, даже Нику Нолту. Но он моложе нас обоих, очень похож на шотландца и удивительно загорелый.

Лаклан пару минут разговаривает с ним о вещах, которые я не могу расслышать или понять, а затем снимает рубашку, открывая мускулистое тело и все эти татуировки. Надевает боксерские перчатки и направляется к боксерской группе в углу, внимательно слушая каждое слово, которое говорит ему тренер.

Не думаю, что видела более сексуальное зрелище, чем Лаклан, со всей силы избивающий боксерскую грушу. Имею в виду, не уверена, что это возможно даже после прошлой ночи, или, может быть, с Лакланом вообще, но на данный момент — это абсолютная правда. Он полностью захвачен происходящим, лоб напряжен в глубокой концентрации, когда он снова и снова бьет грушу. Для него словно не существует ничего больше, мышцы натянуты словно струны, пот льется по лбу и телу. Он бьет с такой силой, что я практически чувствую, как от этого удара все внутри меня дрожит.

Он проводит со своим тренером около сорока пяти минут, некоторые из них в спарринге, а иногда, делая приседания и удары ногами, но этого более чем достаточно. Закончив, хватает полотенце и начинает вытирать лоб, подбегая ко мне. Его улыбка, глаза, он весь настолько расслаблен, и именно так обычно и выглядит после секса.

— Ты, — начинаю говорить я, пробегая пальцами по его плечам, вниз по рукам, совершенно не заботясь о том, что он весь потный. — Ты был восхитителен.

Он посылает мне сдержанный взгляд.

— Сегодня я был слабоват. Обычно работаю быстрее.

Качаю головой.

— Ты ведь даже понятия не имеешь.

Он хмурится и берет бутылку воды, быстро откручивая крышку, прежде чем осушить ее. Неа. Он вообще не понимает, насколько он замечательный мужчина. Его это не позволяет этому факту даже появиться в его голове.

Лаклан решает принять душ дома, так что мы садимся в его машину и практически отъезжаем, когда он получает сообщение от Тьерри, его коллеги по регби и друга, который хочет сходить куда-нибудь.

— Он хочет вечером пойти на рождественский базар, — говорит Лаклан. — Но все нормально, если я скажу ему нет. У нас полно дел.

Мне нравится Тьерри, хоть у меня никогда и не было возможности узнать его получше. Он француз, очень красивый и обаятельный. Но более того, мне нравится видеть Лаклана в окружении друзей, до тех пор, пока мы не ходим в паб. Я знаю, именно поэтому Тьерри предложил базар. Это нейтральная территория, и даже если мы были там прошлой ночью, я не против вернуться. В конце концов, это Рождество.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Все в порядке, — уверяю его. — На самом деле, возможно на этот раз мы сможем попасть на проклятое колесо обозрения.

Однако когда позже мы идём на базар, чтобы встретиться с Тьерри, очередь такая же длинная, как и до этого.

— Как насчёт того, чтобы покататься на коньках? — предлагает Тьерри, кивая в направлении катка, который выглядит полностью заполненным.

Есть одна вещь, касающаяся коньков. Я их ненавижу. Мое чувство равновесия довольно ужасно, что было одной из причин, по которой в Сан-Франциско я брала уроки фехтования. И они помогали мне. Однажды, когда я была в старшей школе, я пошла на каток, так вот, я провела все время на попе, в то время как мое увлечение, Билли Га-Га Грин, высмеивал меня. Это было унижительно, и я больше никогда не каталась. И никогда больше не разговаривала с Билли.

Но я не собираюсь рассказывать об этом Лаклану, хотя он смотрит на меня так пристально, в такой манере, что хочется сразу рассказать ему все свои секреты.

— Не поклонница коньков? — спрашивает он.

Посылаю ему и Тьерри натянутую улыбку. Не хочу выглядеть плаксой и не умеющей веселиться, особенно, при его друге.

— Просто у меня не очень хорошо получается, — говорю я.

— Ну, тогда я тебе кое-что скажу, — произносит Лаклан, понижая голос и немного наклоняясь ко мне, горячим дыханием согревая мою щеку. — У меня тоже не очень хорошо получается.

— Ерунда. Ты хорош во всем.

— Нет, это правда, — быстро говорит Тьерри, его парижский акцент заставляет слова звучать драматичнее. — Поверь ему. Однажды команда должна была сделать с нами фотосессию на катке, и Лаклан был ужасен. Просто ужасен.

Лаклан закатывает глаза.

— Не помогло и то, что в прошлой жизни ты был фигуристом.

Тьерри пожимает плечами, посылая ему хитрую улыбочку.

— Только не надо завидовать.

Когда мы добираемся до катка, и я неохотно натягиваю пару взятых на прокат коньков, которые пахнут, словно сделаны из сыра, я понимаю, что Тьерри действительно умеет кататься, как ангел, и вопреки самоуничтожительной позиции Лаклана и утверждениям француза, Лаклан — противоположность ужасному.

Имею в виду, он не лучше всех, но он, по крайней мере, может стоять на льду и плавно двигаться, а не падать каждые пять секунд. Как я.

К тому времени, когда я падаю в десятый раз, Лаклан качает головой и поднимает меня на ноги.

— Кайла, не хочу тебе это говорить, — серьезно произносит Лаклан, держа меня за руки. — Но у тебя отстойно получается.

— Я же говорила! — восклицаю я, желая ударить его, но знаю, что, если отпущу его хоть на секунду, снова упаду.

Тьерри катится к нам.

— На самом деле, думаю, она сказала, что не очень хороша в этом. Что означает, она будет хотя бы немного уметь кататься. А она не умеет.

— *Ferme la bouche*, — говорю я Тьерри. Закрой свой рот.

Он поднимает бровь, держа руки за спиной.

— Лучше-ка я уберусь отсюда до того, как она скажет мне ещё что-нибудь по-французски. Говорит она так же ужасно, как и катается.

Тьерри быстро катится прочь, и я кричу ему:

— Знаешь, не обязательно говорить обо мне так, словно меня здесь нет!

— Он имеет в виду хорошо, — говорит Лаклан, его глаза мерцают ещё сильнее в

отражении белого льда. — Так хорошо, как может француз. Пойдём. Давай проедем хотя бы один круг.

Прежде чем я успеваю возразить, Лаклан подъезжает ко мне, его коньки у внутренних сторон моих, одна рука обернута вокруг моей талии, а другая держит меня за руку.

— Просто вот так, — шепчет он мне на ухо, и мурашки бегут по моему телу, вокруг шеи, в руках и ногах, влияя на мое тело так, как может только он.

Я напряжена как никогда, мои ноги начинают дрожать, когда он медленно скользит вперед, подталкивая меня вместе с ним. Знаю, я в любой момент шлёпнусь.

Но сильное, мощное и массивное тело Лаклана двигается против моего. И когда он шепчет мне на ухо:

— Я держу тебя, — я ему верю. У него есть я — сейчас и навсегда. И он никогда не отпустит. Никогда не позволит мне упасть.

Закрывая глаза, я расслабляюсь и позволяю себе погрузиться в его тепло и его мощь. Позволяю своим волнениям растаять и просто стать единым целым с биением его сердца и его движениями, насколько это возможно. Это почти похоже на секс, наши тела настолько тонко настроены друг на друга, что наша связь — не что иное, как привычное дело.

Мы скользим легко и плавно, мои волосы развеваются у лица, холод ветра на носу и щеках, почти как в рождественской сказке.

— Открой глаза, — шепчет Лаклан.

Так и делаю и вижу, что мы уже на другой стороне катка. И словно очутились здесь без каких-либо усилий.

— Не могу в это поверить, — мягко говорю я, оглядывая многолюдный каток.

— Лучше бы тебе это сделать. У тебя это было внутри. Иногда нам просто нужно поверить в себя и повторить попытку.

Боже, а ведь он прав.

— Хочешь продолжить кататься? — спрашивает он меня.

— Только если мы сможем кататься всю ночь, — отвечаю ему.

Прижимаюсь спиной к его груди, его большие руки обернуты вокруг меня, и мы, я и мой зверь, медленно танцуем на льду.

Глава 4

ЛАКЛАН

— Ты готова? — кричу я Кайле. Эмили, Джо и Лионель здесь. Эмили в своей клетке, и то время как другие сидят у моих ног, стуча хвостами по полу и не имея понятия, куда мы собираемся.

— Минутку, — слышу ее голос. А потом из спальни доносится грохот. Знаю, она всю ночь беспокоилась о том, что нужно взять с собой на Рождество, хоть и приехала сюда не с таким уж большим количеством вещей.

Наконец, она появляется, таща свой чемодан вместо спортивной сумки, которая была у нее раньше.

— Мы всего на несколько ночей, — мягко напоминаю ей, протягивая руку и предлагая взять чемодан.

Она убирает его от меня.

— Я не могла выбрать. Все, что есть у меня, просто не кажется достаточно подходящим и хорошим.

Я могу видеть проблеск страха в ее глазах. И он заставляет меня смягчиться.

— Послушай, лапочка, — говорю ей. — Тебе совершенно не о чем беспокоиться. Ты достаточно хороша. Черт возьми, да ты слишком хороша для меня. Ты же знаешь, Джессика и Дональд любят тебя, и не будут испытывать к тебе ничего другого... они не такие люди.

— Но я не видела их с тех пор, как вернулась. Не знаю, а что, если они думают, что я абсолютно безумна, ну, ты понимаешь, что приехала сюда?

Не могу не улыбнуться.

— Что ж, уверяю тебя, они уже думают, что ты немного сумасшедшая. Имею в виду, ты ведь со мной.

— Я серьёзно, — говорит она, продолжая теревить ручку чемодана, пока я не забираю его у неё.

— Знаю. Все будет хорошо.

По крайней мере, надеюсь, что так и будет. Я в курсе, они все любят ее и особенно рады, что она проведет с нами Рождество. Просто я все ещё немного волнуюсь о Джордже. И понимаю, она чувствует то же самое.

— И твой дедушка? — спрашивает она, точно в цель.

Смотрю в сторону, шевеля челюстью, пока ищу правильные слова.

— Не принимай все, что он говорит, за чистую монету. Мы все так делаем.

Кроме меня, конечно же. Но я все ещё учусь.

В конце концов, мы укладываем весь наш багаж и собак в машину, сначала останавливаясь у квартиры моей подруги Амары. Обычно я везде вожу с собой хотя бы Лионеля, если не Эмили и Джо, но Джордж категорически против собак. И это много может рассказать вам о его характере. Однажды я взял с собой Лионеля, и он едва позволил мне войти в дом. Я провел час за чаем, а потом сразу же отправился обратно в Эдинбург. Не буду повторять такую ошибку, не сейчас.

Может, признавать подобное не очень по-мужски, но всякий раз, когда я прощаюсь с собаками, получается немного сентиментально. Они всегда знают, что происходит, и хотя хорошо проводят время с Амарой, мне тяжело видеть их печальные глаза и слышать, как они скулят.

Естественно, это заставляет меня впасть в меланхолию во время нашей поездки в Абердин. Я едва замечаю, как снега становится все больше, насколько очарователен пейзаж, пока у Кайлы не перехватывает дыхание, и она не ударяет меня по руке.

— Замок! — вскрикивает она, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня широкими глазами. — Мы можем пойти туда?

Я смотрю вверх, пропуская знак, который она, должно быть, видела. Тем не менее, мы находимся примерно в полудне езды к югу от Абердина, недалеко от побережья и Замка Данноттар.

— Ты имеешь в виду Данноттар? — спрашиваю я.

— Да, наверное, он, — говорит она, — в смысле, если это не создаст проблем.

Когда дело доходит до неё, ничто не может быть проблемой, и я, конечно же, не тороплюсь добраться до Абердина сейчас, когда на меня нашло это темное настроение. Кроме того, прошло много лет с тех пор, как я в последний раз был в замке.

Съезжаю на ближайшем съезде, и вскоре мы оказываемся на ветру у разрушенного утеса

Замка Данноттар. В настоящий момент снега нет, лишь бесконечный газон, устремляющийся к ревущему морю. Здесь, почему-то, кажется холоднее, чем где-то еще, и я инстинктивно обнимаю Кайлу, притягивая ее ближе, когда она оборачивает шарф вокруг шеи.

— Здесь все как в кино, — с трепетом произносит она, оглядываясь вокруг. — Или, как в «Игре престолов».

— Вообще-то, — гордо замечаю я, — здесь снимали «Гамлет» с Мелом Гибсоном.

И легко понять, почему. Замок стоит на скалах, которые возвышаются над морем, обеспечивая лишь узкий перешеек в качестве прохода к зданию. Когда мы пробираемся по тропинке и через узкий проход к разваливающимся, разрушающимся стенам замка, легко представить, как давным-давно это место было под защитой от врагов. С высокими скалами, которые погружаются в море почти повсеместно, это почти остров.

Есть много ступенек, ведущих вниз с автостоянки и через замок, и несколько раз ветер, давний защитник руин, налетает на нас, словно пытаясь сбить нас с пути. На самом деле, когда мы платим за билеты, женщина предупреждает нас, что из-за сильных ветров им, возможно, придется закрыть замок пораньше.

Мы стараемся сделать все быстро, но это место манит остаться и исследовать его как можно дольше. Начинаем с края и прокладываем себе путь, идя по прекрасно ухоженным газонам, ведущим к останкам зданий. Как ни странно, посетителям разрешено находиться внутри зданий, хотя они выглядят так, будто вот-вот обрушатся на вас.

Пока мы идем, Кайла вытаскивает телефон, фотографируя все. В какой-то момент ветер сдувает с нее шарф, и мне удается поймать его, прежде чем его унесет к морю.

— Пойдем внутрь, — говорю ей, достаточно громко, чтобы она услышала меня сквозь ветер и ревущие волны, и тут у нее звонит телефон.

Она кивает, глядя на экран. Хмурится, а затем смотрит на меня широко открытыми глазами. Я едва слышу ее.

— Это по поводу работы!

Сглатываю, мое сердце глухо стучит, когда она отвечает на звонок, затыкая пальцем другое ухо. Я могу лишь надеяться, что это хорошая новость — Кайла действительно настроена получить эту должность автора. Знаю, даже без этой работы она найдет что-то еще, и в «Любимом Забияке» всегда есть возможности для работы. Она будет более чем в порядке. Но, очевидно, я хочу, чтобы она, прежде всего, была счастлива.

Я смотрю, как она уходит от меня и, под разрушающимся каменным дверным проемом, идет в ближайшее здание. Потом идет обратно ко мне, проходя мимо семьи, вглядывающейся в карту в тусклом свете. Она продолжает ходить, пока не доходит до стены, а затем несколько раз кивает.

Несмотря на то, что ветер не проникает сквозь стены замка, я все еще не могу четко слышать ее. Стою в стороне, не желая вмешиваться, пока она разговаривает о личном деле, хотя хочу, чтобы она знала, если понадобится, я здесь.

Наконец, она вешает трубку, медленно убирая телефон в карман пальто, и по тому, как опускаются ее плечи, я понимаю, новости неприятные. Она этого не предвидела.

— Кайла, — мягко говорю я, хотя не уверен, что она меня слышит. Подхожу к ней, ненадолго остановившись позади нее, прежде чем положить руку ей на плечо. — Ты в порядке?

Она кивает, и я слышу, как она шмыгает носом. Это, черт возьми, практически

разбивает мне сердце. Затем поворачивается и, хотя не плачет, в ее глазах робость, и она выглядит чертовски ранимой.

— Это, ммм, — тихо говорит она. Прочищает горло. — Звонили из газеты «24 часа». Я не получила работу.

— Мне очень жаль, — говорю ей, пытаясь обнять, хотя ее тело натянуто, как струна. — Знаю, как сильно ты хотела ее.

— Угу, — кивая, со вздохом произносит она.

— Но ты же знаешь, что с тобой все будет хорошо, да? Ты ведь понимаешь. Я позабочусь о тебе.

Очевидно, я сказал что-то неправильное, потому что она еще больше напрягается и отступает.

— Мне не надо, чтоб ты заботился обо мне, — огрызается она. — Мне нужна была эта работа.

Я могу лишь кивать. Ненавижу чувство безнадежности, когда она рядом. Более того, ненавижу, что она беспокоится и волнуется о том, о чем ей волноваться не стоит. Она такая же гордая, как и я сам, что является одновременно и благословением, и проклятием. Временами, как сейчас, хотелось бы, чтобы она уступила. Хоть немного. Нет ничего постыдного в том, чтобы принять помощь, когда вам предлагают, особенно когда она исходит от кого-то, кто вас любит и хочет для вас только лучшего. Черт, мне потребовалось много времени, чтобы самому разобраться с этим фактом, и только когда я увидел, что у Кайлы и Бригса были самые лучшие намерения ради моего же блага, я осознал, что должен сделать, чтобы помочь себе.

— Знаю, — говорю я ей. — Они полные задроты, потому что не наняли тебя.

Ей удается послать мне слабую улыбку. Она всегда улыбается, когда я использую это слово. Но улыбка быстро исчезает, и она качает головой, проходя мимо меня и сквозь холодные унылые развалины замка.

Следуя за ней, хватаю ее за руку, давая понять, что я здесь ради нее. Она продолжает идти, словно ведет меня, и мы в тишине проходим через здание. Снаружи завывает ветер, и только я собираюсь упомянуть, что, может быть, нам нужно вернуться к машине, как она вдруг хватает меня, когда мы поворачиваем за угол, и тянет в затемненную комнату со щелью для окна и неровным, каменистым полом.

Прижимает меня к себе, ее спина упирается в стену. Ее руки скользят к моему лицу, такие мягкие и холодные пальцы, она смотрит на меня, ее глаза ищут мои, в них миллион разных чувств, и меня разрывает на миллион разных частей, в попытке найти подходящие слова, которые заставят ее почувствовать себя лучше.

— Будут и другие варианты, — слабым голосом говорю я, но судя по огню в ее глазах, могу сказать, что она не хочет это слышать.

— Это не имеет значения, — отвечает она. Притягивает мое лицо и целует меня, сильно и страстно, словно неожиданно стала бояться, что не выживет без моих губ, мой язык теряется в ее тепле. Мы целуемся, словно не стоим среди развалин старого замка и ветра, бьющего о каменные стены, холода, проникающего сквозь трещины и оглушительного рева волн, ударяющихся о берег. Мы определенно не ведем себя, как туристы, слоняющиеся в других помещениях, особенно, не когда руки Кайлы скользят по моему члену, крепко сжимая мою твердую длину, и вырывая у меня глубокий стон.

Теперь речь об отвлечении для нее, не для меня.

И я с радостью сделаю все, что смогу.

Уворачиваясь от ее рук, я расстегиваю кнопку на ее джинсах, прежде чем расстегнуть молнию. Стягиваю их вниз, а вместе с ними и стринги.

— Что ты делаешь? — шепчет она.

Жестко целую ее, а потом опускаюсь на колени. Не говоря ни слова, я начинаю облизывать ее холодные, обнаженные бедра, пока она не начинает дрожать и стонать, пока мурашки на коже не покрывают всю ее нежную плоть. Скольжу пальцами в ее киску, мокрую и жаждущую, несмотря на обстоятельства. Она практически тает от моего прикосновения, и я таю вместе с ней.

Как только она начинает тяжело дышать, покачивая бедрами в поисках большего, я удерживаю ее спину у стены замка и поднимаю одну из ее ног, закидывая себе на плечо. Она хватается за мою голову в поисках поддержки, зарываясь мне в волосы, когда я оставляю нежные влажные поцелуи на ее колене и вверх по бедру. Мои губы и язык беспощадно дразнят ее, что я очень люблю делать.

Ее тело напрягается и расслабляется от моего прикосновения, и я крепче держу ее бедра, поднимая лицо к ее промежности. Мои губы встречают ее припухшие складочки, и я дразню ее клитор кончиком пальца, прежде чем скользнуть языком по ее расщелине и погрузить его в нее.

Господи.

Она такая горячая, тугая и влажная.

Как глоток свежего воздуха.

Ее изысканный, пьянящий вкус кружит на моем языке, проникая глубоко внутрь меня и будя во мне этого первобытного, пещерного человека. Я хочу пожирать ее, пока не останется ничего. Хочу заставить ее кричать, извиваться и стонать до изнеможения.

Хочу быть всем для нее.

Она кричит, хватка в моих волосах усиливается, когда она толкается мне в рот, бедра дрожат от давления в поисках освобождения. Я даю ей, мои пальцы двигаются глубже, скользя по нужным местам, язык усиленно ласкает ее клитор, пока она не превращается в спелый плод, и соки текут по моему подбородку.

Не уверен, что когда-нибудь смогу насытиться ей. Да и вообще всем этим.

Я обречен в самом безумном смысле этого слова.

Она сейчас вот-вот кончит, и я клянусь, где-то вдали, за грохочущими волнами и ветром, я слышу, как женщина кричит, что замок закрывается раньше.

Это не имеет значение. Кайла почти готова.

Она сильно кончает мне в рот, ее клитор пульсирует под моими губами, и я выпиваю все ее соки, удерживая ее, пока она не начинает стонать, чтобы я остановился.

Поворачиваю голову и, вытирая губы тыльной стороной руки, смотрю на ее безмятежное, счастливое лицо.

— Ты прикрываешь меня, я прикрываю тебя, — хрипло говорю я.

Она улыбается мне, затем ее глаза смотрят мне за плечо и расширяются.

— Эй, что здесь происходит! — кричит женщина, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть даму, которая проверяла наши билеты, она смотрит на нас через окно, лицо красное, потное и злое от того, что она только что увидела.

— Черт возьми, — кричу я, пока быстро опускаюсь на колени и помогаю Кайле надеть джинсы. Хватаю ее за руку, и мы бежим через замок, ища выход, где не столкнемся с той

дамой.

Мы почти достигаем уступа, но затем поворачиваем за угол, и дверной проем открывает нам простор зеленой лужайки. Весь путь вплоть до дорожки и к машине мы бежим безумно быстро.

У нас даже нет времени отдышаться. Мы садимся в машину и срываемся с места, оставляя замок в облаке пыли. Только добравшись до шоссе, оба начнем смеяться как сумасшедшие.

Вероятно, это был последний раз, когда нам разрешили побывать в замке Данноттар, но, господи боже, оно того стоило.

Глава 5

КАЙЛА

Я определенно могу понять, почему люди становятся сексуально зависимыми. Или вообще зависимыми от чего-либо. Но в основном, если дело касается секса. Прекрасные эндорфины, которые плавают в ваших венах, и это теплое, мягкое ощущение «все будет в порядке», которое может принести только первоклассный оргазм, длилось с прогулки (ну, если честно, мы бежали от женщины) к машине и в течение следующих тридцати минут во время всего мини-тура Лаклана по городу Абердин.

Оно все еще оставалось, пока я охала и ахала над каменными зданиями, единым видом городских домов и улиц, тем, как очаровательно и празднично выглядело все это, одетое в рождественские украшения. Чувство мира было сосредоточено во мне.

Но эйфория — это прекрасное отвлечение — она не навсегда. И когда Лаклан выезжает из города, и мы едем по длинной проселочной дороге в дом его деда, я снова превращаюсь в комок нервов. Дело не только в том, что я очень нервничала из-за того, что провожу Рождество с его семьей, задаваясь вопросом, кем они на самом деле видят меня, действительно ли они примут меня, особенно дедушка, это связано с сокрушительным ударом от того, что произошло раньше.

Думаю, в глубине души я понимала, что не получу работу. Не знаю почему, но я чувствовала это. Навязчивое чувство, что не может все быть так легко. В конце концов, я здесь по гостевой визе, и технически не могу работать. Но даже несмотря на это, произошедшее не помешало мне испытать разочарование и огорчение. Я просто думала, что если у меня все получится, то это укрепит мою мысль о том, что, приехав сюда, я сделала правильный выбор. Это означало бы, что для меня все к лучшему, не только жизнь с мужчиной, которого я люблю, но и с карьерой, которую я всегда хотела.

Но теперь я снова чувствую сомнения обо всем на свете. Знаю, со мной все будет в порядке, и, в конце концов, понимаю, Лаклан позаботится обо мне, но я просто очень хотела, чтобы это произошло в крайнем случае. Но сомнения по поводу моей карьеры все еще существуют. Я не хочу просто работать где угодно ради самой работы. Большую часть своей взрослой жизни я потратила именно на это. Я хочу карьеру. Хочу, наконец, стать частью чего-то, во что верю, в чем я хороша.

И, конечно же, никто не любит чувствовать себя отверженным. Я не очень-то хорошо принимаю подобное. И, по-видимому, даже множества горячего секса в замке не будет достаточно, чтобы стереть тот факт, что я, Кайла Мур, просто не была хороша для этой

газеты. Что произойдет, если это только первый из многих отказов? Что делать, если я недостаточно хороша для любой компании в этой стране, независимо от того, разрешено ли мне здесь работать? Что, если я недостаточно хороша для этой страны?

— Не переживай, лапочка, — сжимая мою руку, нежно говорит мне Лаклан, машина останавливается перед живописным каменным домом с венком на двери. — Ты отлично справишься.

Имеет он в виду свою семью или мою карьеру, не знаю, но отнесу это на счет того и другого.

Медленно выдыхаю и пытаюсь успокоиться, направляя мысли в другое русло. Я концентрируюсь на том, что, по крайней мере, его дед живет в очень волшебном месте.

Вокруг дома находятся крутые склоны, покрытые глубоким слоем снега. В солнечном свете он искрится безумный блеском, почти сжигая глаза, когда мир вокруг загорается. Сам дом выглядит довольно старым, хотя за ним очень хорошо ухаживают, что видно по глянцевои поверхности деревянной двери, и тому, как блестят оконные стекла. Лаклан рассказывает мне, что он был в семье МакГрегора на протяжении веков, и правильно, что он говорит это, потому что внезапно я задумываюсь, сколько лет всему остальному здесь, сколько истории скрыто здесь между простыми стенами, особенно по сравнению с Америкой. Внезапно я ощущаю благодарность и волнение, что воспользовалась возможностью и приехала сюда.

Снег хрустит под нашими ботинками, мы забираем наши подарки с заднего сиденья, и я чувствую досаду от того, как упаковала свои прошлым вечером. Я сделала все, что могла, но вышло все же немного кривовато и комковато, к тому же с неподходящей лентой.

Не успеваем мы дойти до входной двери, она распаивается, и, на ходу надевая пальто, на улицу выбегает Джессика.

— Позвольте мне помочь вам, — говорит она со своим очаровательным акцентом, протягивая руки, чтобы взять подарки из рук Лаклана. Но он игриво отмахивается от нее. Улыбаясь, она подходит ко мне. — Кайла, я так рада, что ты здесь, — говорит она, прежде чем притянуть меня для быстрого объятия, мой нос наполняют ароматы жасмина и зверобоя.

Джессика потрясающая, именно такой женщиной я и хотела бы быть, когда окажусь в ее возрасте. Ее кожа безупречна, макияж еле заметен, гладкая стрижка боб седого цвета простая и элегантная, и черный брючный костюм под пальто цвета верблюжьей шерсти выглядит непринужденно и шикарно. Даже тапочки из бархата, которые она, кажется, быстро надела, чтобы выйти на улицу, выглядят элегантно.

— Спасибо, что пригласили меня на Рождество, — говорю ей, расправляя плечи и пытаюсь выглядеть более респектабельно. На какую-то ужасную минуту я боюсь, что, может быть, моя рубашка или молния на джинсах расстегнуты, или на мне кусочки грязи из замка и пыль в волосах, и я жду, пока не последую за ними в дом, чтобы проверить себя. Пока все хорошо. Хотя теперь, конечно, я краснею от своих воспоминаний.

В холле, держа в руках дымящуюся кружку, ждёт Дональд. И кривовато улыбается нам. Он очень похож на Бригса, может быть, даже на Брэма, и он очень скромного мнения о себе.

— Вы это сделали, — говорит он нам, и хотя его голос суровый, глаза за очками смотрят с нежностью. — Мы-то думали, нам придется отправлять поисковую группу.

— Извини, — говорит Лаклан, обнимая его. Я получаю огромное удовольствие, наблюдая за тем, как этот большой, неуклюжий, татуированный мужчина обнимает своего воспитанного и правильного приемного отца. — Хотел свозить ее в замок Данноттар.

— Ооо, — говорит Джессика, беря у меня мои подарки, пока я снимаю пальто. — Что за особенное место. Хотя, должно быть, очень холодное, сейчас так ветрено.

— На самом деле было хорошо. Даже довольно жарко, — обыденно говорит Лаклан, и я чувствую, что мое лицо снова краснеет. Быстро отворачиваюсь, чтобы повесить пальто. Обычно я не смущаюсь из-за таких инсинуаций, но рядом с его родителями это совсем другая история.

Мы осматриваем остальную часть дома, которая немного более современна, чем снаружи, и больше, чем я думала. Полы покрыты мягкими, узорчатыми коврами, которые, возможно, выбирала Джессика. Они кажутся в ее вкусе, и у меня нет никаких сомнений, что она могла приложить руку к тому, чтобы декорировать это место.

На стенах висят картины сельских шотландских пейзажей, рядом стоят деревянные антикварные столики, заставленные фотографиями. Я останавливаюсь, разглядывая их. На одной фотографии вижу Бригса в выпускной форме, возможно, когда он получал степень магистра или кандидата наук. Вижу выцветшее фото восьмидесятых с двумя молодыми мальчиками в школьной форме, один с золотисто-каштановыми волосами, а который повыше, с более темными. На лицах обоих нахальные улыбки.

Лаклан легонько толкает меня локтем.

— Линден и Брэм, — говорит он мне.

Я улыбаюсь и решаю позже сфотографировать это, чтобы отправить Стеф и Николе.

Как ни странно, я не вижу никаких фотографий Лаклана, по крайней мере, на первый взгляд. Думала, что, возможно, Лаклан преувеличивал насчет его отношения с дедом, но, возможно и нет.

Мы заходим на кухню, красивую комнату с низким потолком и кирпичным фартуком, где Джессика вручает нам кружки с глинтвейном и палочками с корицей.

— Нет, спасибо, я не буду, — отказывается Лаклан, его плечи напрягаются.

— Он безалкогольный, — говорит она. — Из ИКЕА, — она поднимает бутылку, стоящую рядом с кипящим горшком на плите и машет ей в нашу сторону.

Лаклан заметно расслабляется и делает глоток. Честно говоря, я сейчас так сильно взвинчена и нервничаю, что с удовольствием бы добавила что-то в свою чашку, но если Лаклан может справиться с этим, то и я тоже.

— Где Джордж? — спрашивает Лаклан.

Джессика кивает головой в сторону лестницы.

— Сказал, что плохо спал ночью. Решил вздремнуть.

Должна заметить, от этого я вздыхаю с облегчением.

— Давайте-ка пройдем в гостиную, — говорит Джессика. — Вы двое, должно быть, проголодались. Я пекла последние два дня, но только из одной партии вышла не полная катастрофа.

Мы направляемся в гостиную, теплую и гостеприимную с рождественской музыкой, гигантским, великолепным деревом и старинным каменным камином в комплекте с носками и настоящим огнем. Мы с Лакланом садимся на потрепанный кожаный диван, украшенный пледом, а Джессика хвастается яствами на кофейном столике. Рождественские печенья, которые выглядят настолько невероятно идеальными, что я едва ли могу поверить, что она сама испекла их, мини сэндвичи и булочки с топлеными сливками украшают стол, а также чайник с чаем и лучший фарфором.

— Джессика, — говорит ей Лаклан. — Это всего лишь мы. Тебе действительно не

стоило так стараться.

— О, это все для Бригса, — язвит Дональд, и мы смеемся.

— Когда он приезжает? — спрашиваю я.

— Только завтра, — говорит Джессика. — Он приедет днем на машине.

— Ну, лучше бы ему подготовить свою машину, — говорит Дональд. — Если снова пойдет снег, у него будут проблемы.

— Что у него за машина? — спрашиваю я, никогда не видела машину Бригса.

— Она великолепна, — говорит Лаклан. — Хотя, как по мне, слишком сложна в обслуживании. В конце концов, у меня уже есть ты, — хитро добавляет он.

Мне нравится, когда он перестает вести себя задумчиво и начинает шутить. И мне удается сдержаться и не стукнуть его.

— Дурак.

— Эта машина у Бригса уже целую вечность, — говорит Дональд, поправляя очки. — «Астон Мартин» 1978 года.

— Это же машина Джеймса Бонда! — восклицаю я.

— Да, ну, Джеймс не ездил именно на этой, — говорит Лаклан. — Это V-8, но она работает как уставшая старая лошадь. Возит его на недалекие расстояния и выглядит красиво, но раз в неделю все заканчивается ремонтом. Сейчас он редко ездит на ней.

— Я действительно думаю, что, если его новая должность преподавателя не увенчается успехом, он всегда может найти работу в качестве механика, — говорит Дональд.

— Так вы в курсе, — говорит им Лаклан, — что он переезжает в Лондон.

Джессика и Дональд обмениваются взглядами, прежде чем Джессика тихо говорит:

— Он сказал нам на днях. Будет очень печально, что он будет не так близко, но... ему это нужно. Действительно необходимо. Ему нужно оставить все позади, и я просто не думаю, что он сможет это сделать, пока не двинется дальше, даже если это будет просто другой город.

Дональд кивает.

— Кроме того, мы любим Лондон. В конце концов, мы каждый уик-энд можем ездить туда на поезде. Бедный мальчик, возможно, будет видеть нас чаще, чем сейчас.

Наблюдая за тем, как они говорят о Бригсе, и обо всем, что он пережил, не говоря уже о том, что должен был вынести Лаклан, действительно поразительно осознавать, сколько же всего выпало на долю этой семьи. Это заставляет меня понять, что, может быть, я — последняя, кого они станут осуждать, и мне не следует так сильно переживать об этом. Полагаю, Джессика и Дональд просто счастливы, что сейчас их сыновья справляются так хорошо, выползая из насыпей пепла на свет. По крайней мере, именно это я буду продолжать говорить себе.

— Итак, Кайла, — говорит Джессика, обращая на меня свой умный взор, — как тебе переезд в Шотландию? Чувствуешь какие-то различия сейчас, когда остаешься здесь?

— Определённо, — отвечаю ей. — Конечно же, я могу оставаться здесь только шесть месяцев и затем должна выяснить, что делать с визой.

— Но мы разберёмся с этим, когда придёт время, — добавляет Лаклан, кладя руку мне на колено. — Дедушка Кайлы со стороны отца родился в Англии, и только потом переехал в Исландию, так что, возможно, мы сможем получить для неё визу, как для гражданина с британским происхождением или нечто подобное.

— Так, так, так, — низкий, сильный голос, похожий на голос Садовника Вилли² звучит

позади нас, и я поворачиваю шею, чтобы увидеть Джорджа МакГрегора, стоящего в дверном проеме. — Полагаю, ты решил показаться.

Дед Лаклана именно такой, каким я себе его и представляла. Высокий, но сгорбившийся. Густые седые волосы. Пушистые брови. Очки. Постоянно хмурый взгляд. Кардиган и брюки с высокой посадкой. Трость, которая, кажется, больше для декоративной цели, чем для мобильности. Несмотря на то, что ему немало лет, в нем есть что-то такое, что заставляет меня сесть прямо.

— Джордж, — говорит Лаклан, вежливо кивнув, — спасибо, что пригласил нас на Рождество. Это Кайла.

Я стараюсь послать ему свою самую очаровательную улыбку и протягиваю руку, но он даже не смотрит на меня, шаркая в сторону пустого кресла рядом с Джессикой.

— Благодарю ее, — грубо говорит он, указывая на Джессику. — Она подумала, что это хорошая идея. — Он садится в кресло, сложив руки на коленях. — Я был бы абсолютно счастлив, если бы были только я и парни в клубе «Львы» на ужине, может еще и рождественская месса.

— О, цыц — говорит Джессика, и на этот раз я вижу, что она выглядит немного менее сдержанной. — Конечно, ты проведёшь Рождество с семьей, — она делает паузу. — Лаклан пытался познакомить тебя с Кайлой, своей девушкой.

Наконец, пожилой мужчина смотрит на меня. Он вздрагивает и хмурится ещё больше.

— А, вот это кто. Я-то думал, ты притащила мне новую няньку. Как та вьетнамка, которая у меня когда-то была.

Я с трудом сглатываю и продолжаю натянуто улыбаться.

— Приятно с вами познакомиться, — говорю я громко, на случай, если он не очень хорошо слышит.

— Не нужно кричать, я не глухой, — бормочет он. — Значит, ты та, кто переехал сюда ради этого парня, да? — он машет рукой в сторону Лаклана.

— Да, это я, — слегка дрожа, говорю ему, — мне нравится Шотландия.

— Именно этого нам и не хватало, — говорит он. — Ещё одна эмигрантка.

— Она американка, — говорит Лаклан, сталь слышна в его голосе, — родилась и выросла в Сан-Франциско.

— И Америка — чужая страна, разве нет, — бросает ему дед. Пихает локтем Джессику. — Джесси, дай-ка мне тарелку.

Джессика кивает и начинает накладывать в тарелку печенье и закуски со стола. Тишина повисает в комнате, пока она занимается этим, и я слышу, как Лаклан тяжело дышит, вероятно, пытаясь контролировать себя. Он действительно становится защитником, когда дело касается меня, особенно если речь заходит о том, что я наполовину японка. Меня восхищает подобное поведение, но последнее, чего я хочу — его ссоры с дедом.

Кладу руку ему на спину и потираю напряженные мышцы, мечтая, чтобы мы вернулись в замок или оказались в постели у себя дома. На самом деле, где угодно, но не здесь. Но я все равно улыбаюсь ему, отказываясь позволять ему думать, что меня что-то беспокоит. Я большая девочка, и могу справиться с этим.

— Итак, что за работу ты делаешь? — спрашивает Джордж, жуя печенье, крошки летят повсюду.

О да, вопрос как раз вовремя.

— Ну, я... — начинаю говорить. — Я писатель, автор. И надеялась получить работу в

этой области.

Он смеется и совсем не по-доброму.

— Удачи с этим. Думаешь, что можешь взять и просто найти здесь работу? Встань в очередь со всеми остальными, которые вообще-то являются гражданами Великобритании, рожденными и выросшим здесь. Которые нуждаются в работе и не могут ее получить. Думаешь, найдешь что-то? Лучше бы тебе пойти убирать дома.

Я чувствую, как мое лицо пылает. Мне даже нечего возразить, потому что то, что он говорит, абсолютная правда, и мой худший кошмар.

— На самом деле, — говорит Лаклан, снова вставая на мою защиту. — Кайла чрезвычайно умна и талантлива, лучше половины дочерей в этой стране. Если она не найдет работу в качестве автора, то станет достойным сотрудником в «Любимом Забияке».

— Каком забияке? — нахмурившись, спрашивает он,

Лаклан вздыхает, пока Джессика поясняет:

— «Любимый забияка». Организация Лаклана, приют для собак.

— Тьфу ты, — говорит он, — их лучше оставить на улицах. Знаете, что говорят о собаках? Они предназначены для людей, которым нужна любовь, потому что те больше нигде не могут получить ее. Собаки — это просто отсталые дети с мехом, — делает глоток чая и морщится. — Христос, Джесси. Сколько ты его заваривала?

Лаклан рядом со мной очень напряжен, в глазах этот дикий, тяжелый взгляд. Я боюсь, что в любой момент он просто потянется через стол, схватит дедушку за горло и задушит его. И когда он встает, на секунду я думаю, что именно это он и собирается делать. Но он смотрит на меня сверху вниз, пытаюсь улыбнуться и говорит:

— Мы должны отнести наши вещи в комнату. Вероятно, позже мы слишком устанем.

Слава Богу. На выход.

Быстро встаю, и мы выходим из комнаты, а Дональд кричит нам вслед.

— Ты в обычной комнате.

Мы хватаем наши сумки в холле, а затем поднимаемся по скрипучим деревянным лестницам на второй этаж. Как только мы выходим из поля зрения гостиной, Лаклан останавливается и прислоняется к стене, закрывает глаза и делает глубокие вдохи и выдохи. Несколько мгновений я наблюдаю за ним, пока он не выпрямляется, морщина между его глазами смягчается, и он кивает на ближайшую к нам открытую дверь.

— Это наша комната.

Я захожу в комнату, ставлю сумку на пол, и он закрывает за собой дверь. Рассеянно оглядываю пространство — деревянный пол, стены василькового цвета и подходящее покрывало, за окном все еще идет снег — но мой разум все еще прокручивает все то, что было внизу.

Все, что я могу сказать, это:

— Вау, — сажусь на кровать, матрас слишком мягкий.

Лаклан кивает, потирая рукой челюсть. Слышу звук трения его щетины.

— Да. «Вау» — очень подходящее слово. Он просто взял и за считанные секунды унизил все то, что я люблю.

— Прости, — говорю я ему, сжимая руки.

— Нет, — решительно отвечает он, наклоняясь и кладя руки мне на плечи, и его зеленые измученные глаза ищут мои. — Это ты прости. Он не имел права так разговаривать с тобой.

Я провожу пальцами по его скуле, щеке и к губам.

— Лаклан, пожалуйста. Это не имеет никакого отношения к тебе. Я третий калач. И вполне могу с этим справиться. Он просто типичный дедушка. Может быть, немного больший расист, чем большинство, но в остальном просто сварливый старик, — закрываю глаза, нежно и сладко целуя его. — Правда. Не беспокойся обо мне.

Но я знаю, что он беспокоится. Ничего не может с собой поделать.

Какое-то время мы остаемся в комнате, медленно развешивая одежду и складывая подарки под кровать. Он говорит мне, что это была комната его дяди (отца Линдена и Брэма). Старая комната его отца, где остановится Бригс, находится рядом, а в старой комнате его тети будут жить Джессика и Дональд. Точно знаю, что мы просто пытаемся убить время, прежде чем вернуться вниз, но мы не можем прятаться вечно.

Когда мы, наконец-то, спускаемся вниз, дедушки нигде не видно, а Джессика крутится вокруг, убирая посуду.

— Где все? — спрашивает Лаклан, когда мы заходим на кухню, и, слыша вопрос, она практически подпрыгивает.

— Они отправились на прогулку, — говорит Джессика, начиная суетиться вокруг нас. Берет нас обоих за руки и ведет обратно в гостиную. — Вот, садитесь у огня. Расслабьтесь, я принесу вам чай.

Наши протесты, похоже, не имеют значения, и Джессика не упоминает ни о чем, что касается Джорджа. Поэтому мы с Лакланом остаемся на своих местах, пребывая все еще на грани, ожидая возвращения деда и Дональда, в то время как «Silver Bells» играют из громкоговорителей.

Когда они возвращаются, Джордж удивительно молчалив. Предполагаю, смысл прогулки, на которую они пошли с Дональдом, был в том, чтобы избавиться его от раздражительности. И на самом деле остальная часть вечера проходит хорошо. Когда все собираются вокруг огня перед ужином, поскольку, я полагаю, это их обычный коктейльный час, оба, Джессика и Дональд пьют безалкогольный глинтвейн, а Джордж попивает шерри из крошечного бокала. То, что никто не пьет, должно помочь Лаклану.

После небольшого разговора — о регби и политике — мы идем на кухню, чтобы поужинать, и Джессика готовит запеканку с цыпленком и картофелем, которая не превращается в кашу, как большинство запеканок.

На самом деле, это напоминает мне о маме и ужасной запеканке, которую она делала, когда я была маленькой. В то время как блюдо Джессики сливочное и ароматное с веточками розмарина, творение мамы было желеобразной жижей, похожей на серую грибную похлебку. Все, кроме Тошио и меня съели его. Мы были привередами, и через некоторое время это стало дежурной шуткой, что по вечерам, когда на ужин была запеканка, мы с Тошио лучше бы остались голодными.

Ужасная пища или нет, воспоминания ударяют меня словно кувалда.

Черт. Черт.

Я скучаю по маме.

Скучаю сильно, ужасно, каждой клеточкой своего тела.

Хотела бы я, чтобы она была здесь. Хотела бы я, чтобы папа тоже был здесь. И мои братья. Мне жаль, что у меня не было нормального Рождества со всеми, но ничего не ранит сильнее, чем холодная жестокая правда, что его никогда и не будет. Конечно, может быть, в следующем году я смогу вернуться в Калифорнию и увидеть своих братьев, но, как бы мы ни

старались, ничто никогда не вернет наших родителей. Говорят, ваши желания сбываются в Рождество, но именно это, безусловно, не сбудется.

Лаклан наклоняется ко мне, шепча мне на ухо:

— Ты в порядке?

Я хочу кивнуть. Но не могу. Если сделаю это, по моей щеке потекут слезы. Поэтому просто встаю настолько спокойно и быстро, как только могу, и направляюсь в туалет. Оказавшись внутри, я смачиваю полотенце водой и провожу по лицу, словно холодная вода сотрет все мое горе и печаль.

Хочу позволить им выйти, плакать и просто грустить, побыть наедине со своей скорбью. Но я не могу, не сейчас. Знаю, большинство меня поймут, но мне просто неудобно делать здесь нечто подобное. Поэтому я собираюсь с силами, заталкиваю подальше все негативные эмоции, убираю волосы с лица и приклеиваю на лицо самую большую улыбку.

Я возвращаюсь и наслаждаюсь остальной частью ужина, даже вставляя небольшие реплики, хотя Джордж вообще не смотрит на меня. А я и не возражаю.

Позже вечером мы с Лакланом рано отправляемся в кровать. На этот раз мы даже не занимаемся сексом, я просто чувствую себя слишком усталой, слишком потерянной в собственных мыслях, и, в то время как отвлечение, случившееся сегодня раньше, сотворило чудо, пока продолжалось, теперь я не могу даже помыслить об этом.

Но Лаклан всегда джентльмен. Когда мы забираемся в крошечную, скрипучую кровать с тонкими одеялами, он крепко удерживает меня близко к своему твердому телу, пока я не начинаю чувствовать, как его сердце бьется мне в спину. Этот ритм, наряду с его постоянным дыханием, уносит меня в темный, крепкий сон.

Когда мы просыпаемся следующим утром, везде лежит снег.

И все печали стерты.

Глава 6

ЛАКЛАН

— На улице снег, — говорит Кайла, ее голос проникает в мои сны, и я открываю глаза. На секунду я не понимаю, где нахожусь, мир кажется синим и белым, а матрас подо мной провисает в середине, заставляя меня думать, что я в гамаке на небе. И тут я вспоминаю. Дом моего деда. День для еще одного сражения.

Но, по крайней мере, сегодня Рождество и позже должен появиться Бригс, чтобы взять на себя часть давления идущего со стороны моей семьи. В постели рядом со мной лежит женщина, владеющая моим сердцем. И за окном с неба падают снежные хлопья. Многие ведь мечтают о снежном Рождестве? Ну вот, а у нас оно есть.

Я потираю лицо, пытаюсь сесть. Воздух не под одеялом определенно холодный.

— Сколько время?

— Восемь тридцать, — говорит она.

Я стону. Проспал. Я пообещал себе, что буду придерживаться своего расписания, вставать на рассвете и тренироваться. Хотя, судя по всему, моя идея отправиться на пробежку канула в лету под снегопадом.

Медленно встаю с кровати и приглашаю Кайлу принять со мной душ. Она отказывается, чувствуя себя неловко в этом доме, в чем я ее совершенно не виню. После вчерашнего она

более ранимая, чем когда-либо. Из-за того, как мой дедушка повел себя с ней, отказа в работе, не говоря уже о том, что я знаю, прямо сейчас она действительно всем своим существом ощущает потерю своей мамы.

Однако, когда мы готовимся к этому дню, я чувствую, что лучше бы мне стать более радостным, соответствовать духу Рождества, до того, как Джессика сделает это за меня.

— Готова, лапочка? — спрашиваю ее, целуя ее ладонь.

— С тобой? Всегда.

Рука об руку мы спускаемся по лестнице и оказываемся прям-таки в сценке из рождественского фильма.

Сейчас рано, но Джессика уже хлопочет, готовя пир и наполняя дом смесью аппетитных ароматов. Появилось еще несколько рождественских украшений, в том числе омега над дверной рамой, а музыка громкая и веселая.

Она приветствует нас, вытирая руки о свой праздничный фартук.

— Доброе утро. Счастливого Рождества! Что бы вы хотели поесть?

Мы оба не привередливы в еде, и я говорю ей, что мы вполне рады съесть тосты с апельсиновым джемом, но Джессика этого не позволит. Она жарит настоящий шотландский завтрак из бобов, яиц, грибов, половинки помидора, ветчины, картофельной лепешки, сосисок и кровяной колбасы (к которой Кайла, знающая теперь, из чего она сделана, даже не прикоснется), наряду с апельсиновым соком и бесконечными чайниками с чаем. К тому времени, когда завтрак закончился, я чувствую себя готовым снова залезть в постель. Коматозное чувство — приятное отличие от беспокойства.

Несмотря на то, что прошлой ночью все шло хорошо, все вели себя нормально, и лишь Джордж выпил немного хереса, все еще существует нить напряжения, словно исходящая от меня в каждом доме. Знаю, Кайла ощущает ее, и все остальные тоже. Все крутятся вокруг меня, словно я ракета, которая может случайно выстрелить. Может быть, Джордж еще не знает, или, возможно, ему нет до этого дела, но никто не хочет отвечать за мое падение, а я просто хочу сказать всем, что ценю это, но им не нужно беспокоиться обо мне.

Я и так уже сам достаточно беспокоюсь о себе.

Закончив на кухне, мы ставим наши подарки под ёлку. Джордж сидит в своем любимом кресле, лишь ворчанием реагируя на наше появление. Полагаю, все могло быть и хуже. Затем мы с Кайлой выходим на улицу на долгую прогулку и купаемся в снегу.

Это правильное решение. Мало того, что прогулка вселяет в нас дух Рождества, так еще и Кайла похожа на маленького ребенка, сходящего с ума, когда высовывает язык, пытаюсь поймать снежинки. Мы пробираемся к соседнему парку, который принадлежит фермеру в километре от нас. Летом он заросший и за ним никто не ухаживает, но теперь он словно покрыт одеялом белого цвета. Он так и просит либо сфотографироваться в нем в его первозданном состоянии, либо побезобразничать.

Мы выбираем второе.

С Кайлой, раздающей приказы, мы лепим снеговиков и собак из снега. Она пытается сделать Лионеля, Эмили и Джо, но вместо этого они похожи на округлые белые брёвна. Затем я кидаю ей в голову снежком, практически сбивая ее с ног, снег разлетается по всему ее лицу.

Она вскрикивает, начинается война снежками, и мы оба скрываемся за нашими снежными созданиями. Излишне говорить, что я довольно хорошо умею целиться, поэтому каждый раз попадаю ей в голову. Иногда прямо по макушке, иногда в висок, посылая лед под

ее пальто, иногда снег попадает ей в лоб. Этого достаточно, чтобы свести ее с ума, и я чувствую, что наверстываю то, что пропустил в детстве. Хотя не думаю, что у кого-то из детей была такая забава.

Наконец, мы заканчиваем тем, что делаем снежных ангелов, прежде чем потащиться обратно в дом, мокрые, замерзшие и полностью истощенные. Но, черт возьми, я никогда не видел более красивого зрелища, чем Кайла сейчас, ее влажные волосы висят вокруг лица, темные глаза сияют, щеки и нос покраснели от холодного воздуха. Она выглядит живой и счастливой, и это придает мне сил. Я не должен тратить остаток дня на беспокойство о том, что не могу контролировать. Я должен быть охрененно рад, что женщина моей мечты влюблена в меня, она рядом со мной и хочет пройти через все это.

Почти уверен, что в любом случае в праздники все именно так и бывает. Конечно, мы все немного сходим с ума во время шоппинга и от пребывания рядом с семьей, члены которой порой не всегда хорошо ладят. Но пока у нас есть те, кого мы любим, больше ничего не имеет значения.

И весь день я стараюсь держать эту мысль в голове. Когда мы обсыхаем внутри, хоть и располагаемся у огня для того, чтобы перекусить и выпить ещё больше чая, мир снаружи, кажется, становится темнее. Ветер поднимается, и снег начинает идти сильнее.

Смотрю на часы на стене, громко колотящие по резному дереву.

— Когда Бригс сказал, приедет? — спрашиваю я. В последний раз я разговаривал с ним вчера вечером, но все, что он сказал — «Увидимся завтра».

Дональд встает и смотрит в окно, из которого практически ничего не видно.

— Сказал, что выедет в полдень. Он должен быть здесь через час или около того.

— Не в такую погоду, и не на этой дурацкой машине, — ворчит Джордж.

— Уверена, с ним все будет в порядке, — говорит Джессика, хотя по ее голосу можно понять, она не до конца верит в сказанное.

Я чертовски уверен, что с ним все будет хорошо. Машина не так плоха, как мы считаем — это «Астон Мартин», и я знаю, у него зимняя резина.

Но после двухчасовых посиделок у огня, прослушивания рождественской музыки, пока мы пьем чай, едим печенье и слушаем рассказы о моем двоюродном брате Кейре, который спустя несколько лет в армии возвращается обратно в Эдинбург, небо снаружи темнеет, снег идет все сильнее, и мы не можем притворяться, что нас не беспокоит Бригс.

— Все еще ничего, — говорит Джессика, заканчивая звонок по мобильному, и вертит его в руках.

— Видимо, у него сел телефон, — говорю ей так спокойно, как могу. — Уверен, он уже едет.

— Если его аккумулятор сел, он должен его зарядить. Если только он вообще не может это сделать, — говорит Джессика. Она просто стоит, смотрит и моргает миллион раз, а затем спешит на кухню, снова и снова проверяя жаркое в духовке.

— Схожу, посмотрю, — вставая, говорю Дональду.

— Я с тобой, — тут же говорит Кайла, знал, что она так и скажет.

— Ты собираешься найти его в такую погоду? — говорит Джордж, указывая на окно. — Пойдешь пешком в Эдинбург? Ты можешь играть в регби, Лаклан, но ты не всемогущ.

Равнодушно смотрю на него.

— Мы пойдем к концу подъездной дорожки, вниз по дороге, может к ферме Макоули. Уж лучше так, чем сидеть здесь и ничего не делать.

Так что мы с Кайлой утепляемся, надеваем пальто и ботинки, а Дональд вооружает нас фонарями, которые, должно быть, принадлежали флоту.

— О, только, пожалуйста, не заблудитесь, — говорит Джессика, вертясь у двери. — И возвращайтесь, когда замерзнете. В противном случае, мне придется отправить за вами Дональда, а он сразу же потеряется.

Я с нежностью хлопаю Дональда по плечу.

— Мы скоро вернемся.

Открываю дверь, и ветер тут как тут, снежинки бьют нам в лицо, словно осколки льда. Я натягиваю шарф поверх носа, убедившись, что Кайла делает то же самое со своим, и мы отправляемся в темноту.

К счастью, этот фонарик творит чудеса, хотя быстро падающий снег и ухудшает видимость. Практически невозможно слышать Кайлу сквозь ветер и хрустящий снег с наушниками и шапками, низко натянутыми на наши головы, поэтому я просто держу ее за руку, пока мы проходим через страну чудес.

Добравшись до конца подъездной дорожки, мы расчищаем главную сельскую дорогу, глядя по сторонам на оба конца, но не видно ничего кроме черноты и идущего снега. На расстоянии, кажется, мерцает какой-то свет, но это тот же район, что и соседняя ферма. Вероятно, это свет из сарая. Тем не менее, я тяну ее за руку, и мы отправляемся в том направлении.

Из-за снега, ветра и медленного шага Кайлы нам требуется некоторое время, чтобы, наконец, приблизиться к свету. Кажется, это сарай, и когда мы останавливаемся, глядя на него с расстояния нескольких метров, готовые повернуть назад, свет пересекает тень. Похоже, к нам направляется человеческая фигура.

Я опускаю шарф и кричу:

— Эй? — направляя фонарик в ту сторону. Свет продолжает освещать падающие снежинки, пока, наконец, мы не оказываемся в нескольких шагах от человека.

Кайла рядом напрягается, и я пытаюсь прищуриться сквозь метель, чтобы видеть лучше. Если это какой-то сумасшедший, я смогу постоять за нас, но, скорее всего, просто кто-то ищет помощи в этой буре.

— Лаклан?

Слышу голос Бригса, и внезапно он оказывается напротив, воротник его пальто поднят до подбородка. Он одет не по погоде, лишь пальто, шарф и кожаные перчатки.

— Бригс! — восклицаю я, радуясь, что вижу его, но, не понимая, какого черта произошло. — Ты в порядке?

Он закрывает глаза от луча света и кивает.

— Да. Чертовски замерз, но да, — бегло смотрит на Кайлу. — Привет, Кайла. Я недалеко от дома?

Качаю головой, хватая его за руку, и тяну его в правильном направлении.

— Нет, сейчас мы быстро доставим тебя домой, — когда мы, пошатываясь, бредем через снег, Бригс держится руками за грудь и воротник. Сначала я думаю, что он пытается согреться, но, похоже, у него есть что-то под пальто. Возможно, подарок.

— Что случилось? — кричит на него Кайла. — Все так сильно беспокоились.

— Гребаная буря застала меня врасплох. Все было нормально, пока я не очутился у поворота недалеко от фермы. Мне не повезло. И я оказался в сугробе. Не смог вытащить машину, а Макоули нет дома.

— Машина пострадала?

— С ней все будет нормально, — говорит он, брови нахмурены от холода. Криво ухмыляется мне. — У Манипенни бывали времена и похуже.

Ах, да. Я и забыл, что он дал машине имя. И оно ей определённо подходит.

Мы доходим до начала подъездной дорожки, обратный путь кажется быстрее.

— Только вот я не один, — говорит Бригс, медленно приближаясь.

Мы с Кайлой останавливаемся и смотрим на него. Он не отводит взгляда, и я смотрю на темный, покрытый снегом мир позади него. Насколько я могу судить, он один.

— О чем ты? — поворачиваясь, спрашиваю я. — Пойдём, поговорим внутри.

— Мы не можем, — говорит он. — Потому что его внутрь не пустят.

Я с недоумением смотрю на него, когда Бригс открывает верхнюю часть своего пальто.

Показывается маленькая белая голова щенка, и большие чёрные глаза моргают, глядя на снег.

— Бригс? — говорю я, подходя ближе и глядя на холодный испуганный комок. — Откуда он у тебя?

Он быстро закрывает пальто и указывает головой в сторону фермы.

— Я был в сарае, искал людей. Услышал скулеж, подвинул сено и нашел чертова щенка. Думал, что это игра воображения. Огляделся, рядом не было другой собаки или какого-нибудь животного. Если бы я не забрал его, он бы точно замерз сегодня.

— Ой-ой-ой, — говорит Кайла, практически тая на глазах. — Ну, надеюсь, он чей-то, и они придут, чтобы найти его.

— Да, только вот, похоже, сегодняшнюю ночь он проведет здесь. А ты знаешь, как наш дедушка относится к собакам. Или чему-то другому милому, что приносит радость в жизнь людей.

— О да, я знаю, — говорит Кайла.

— Значит, ты как следует познакомилась со старым Джорджем МакГрегором? — подняв бровь, спрашивает Бригс. — Тогда ты все понимаешь. Но Лаклан, ты должен помочь мне спрятать его.

— Все что угодно для своего брата и для собаки, — отвечаю ему.

— И для своей девушки, — добавляет Кайла.

— Особенно для нее, — говорю ей. — Давай. Они будут обнимать тебя, мистер Любимчик, и раздавят щенка, — расстегиваю пальто и тяну руки к собаке, когда Бригс нерешительно вынимает его из-под пальто. — Пока они будут благодарить бога за то, что ты жив, я отнесу его в твою комнату.

Бригс вручает мне белого и пушистого щенка. Ему, вероятно, лишь пара месяцев, смесь хаски или американской эскимосской собаки и, возможно, породы поменьше, что-то типа терьера. Он ужасно милый, но напуган до смерти.

Я воркую со щенком, прежде чем спрятать его под пальто, чтобы ему было теплее.

— Ладно, — говорю им. — Пойдёмте.

Рад, что Бригс рассказал нам о собаке раньше, потому что, когда мы находимся в нескольких шагах от дома, передняя дверь открывается, и выходит Джессика, принося тепло и запах специй.

— О, Бригс! — кричит она и точно так, как я и думал, обрадовавшиеся родители быстро увлекают его в дом. Но для меня это прекрасная возможность подняться наверх незамеченным, и я быстро снимаю ботинки, чтобы не оставить следов снега в доме.

Направляюсь в комнату, где остановится Бригс, и оглядываюсь. Планировка всех комнат практически одинаковая. Я расстегиваю пальто и вынимаю щенка, кладя его на кровать.

Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами, и мне почти хочется расцеловать брата за то, что спас этот маленький пушистый комочек.

Но сначала важное. Быстро направляюсь в туалет по коридору и достаю газеты из стойки журналов. Я собираюсь выложить их на другую сторону кровати, наиболее удаленную от двери, где, если кто-то просунет голову в комнату, ничего нельзя будет увидеть. Хватаю несколько стопок книг с книжной полки и делаю из них забор, укладывая газеты у стены.

Все это время щенок наблюдает за мной с кровати. Я забираю его и помещаю в загончик, а затем уйду в свою комнату, чтобы взять свитер, который мне не жалко. Складываю его, возвращаюсь в комнату Бригса и кладу свитер в угол темницы, создавая для щенка приятную мягкую кровать.

— Оставайся здесь, — мягко говорю ему, указывая на горку. — Я попозже вернусь и принесу воды.

Быстро и как можно тише спускаюсь по лестнице, что обычно нелегко, когда ты такой высокий и тяжелый, как я. Но теперь все вернулись в гостиную, разговаривают с Бригсом, и я быстро делаю свое дело, набирая маленькую миску с водой, а также хватаю кусочек жаркого из духовки. Я возвращаю все это наверх, довольный тем, что щенок не сбил книги. Вообще-то, он свернулся калачиком на свитере, и встает, когда видит меня. Даю ему воду и мясо, а затем, прежде чем выключить свет, оставляю гореть прикроватную лампу.

Когда я возвращаюсь вниз, мое лицо покраснело, и я чувствую себя так, словно пробежал марафон. Снимаю пальто и шарф и, наконец, направляюсь в гостиную, забираясь на диван рядом с Кайлой.

Она смотрит на меня с вопросом в глазах, так что я могу лишь улыбнуться и кивнуть, похлопывая ее по ноге. Пока собака не начнет лаять, у нас все нормально. Я уверен, если бы Джордж узнал о ней, учитывая, что собаку нашел Бригс, может быть, ей и разрешили бы остаться. Но так же полагаю, Джордж, так или иначе, будет думать, что это моя собака, а Бригс возьмет вину на себя, и отвечать придется нам всем.

Бригс продолжает разговаривать с Джорджем о его будущей должности преподавателя, но когда ненадолго встречается со мной взглядом и поднимает бровь, я подмигиваю ему. Пока все хорошо.

Вечер заканчивается довольно приятно. Может быть, все чувствуют силу бури, благоговение перед Рождеством, но Джордж, кажется, полностью сосредоточен на Бригсе, что здорово. Он делает только одну легкомысленную ошибку, когда поднимает тему о том, собирается ли Бригс снова встречаться с кем-то. Это явно не лучший вопрос. Бригс замолчал, и по его резкому взгляду я мог сказать, что вопрос привел его в темное место, так похожее на мое собственное.

Но Кайла, дорогая, милая, чертовски изумительная Кайла, нашла способ смягчить напряжение. Она встала и, хотя все ощущали сытость и лень от восхитительного жаркого, приготовленного Джессикой, она включила «Jingle Bell Rock» и пригласила Дональда потанцевать с ней. Это был умный ход. Бригс был слишком потерян, чтобы сделать это, а Джордж отказал бы ей. И нет ничего смешного в танцах со мной. Но Дональд, мой тихий занудный приемный отец? Танцует с моей дерзкой девушкой? Да. Теперь это смешно.

Они закончили тем, что станцевали несколько песен, а затем Джессика вытянула меня,

и мы вчетвером танцевали в канун Рождества, чувствуя себя глупыми, но счастливыми от того, что семья уцелела хотя бы на ещё один день.

Глава 7

КАЙЛА

— Счастливого Рождества, лапочка, — шепчет Лаклан мне на ухо.

Я переворачиваюсь в постели, практически перекатываясь на него. Хотя я чувствую лень, и может, у меня немного болят мышцы из-за всех этих глупых танцев, которые мы танцевали прошлым вечером, и присутствует соблазн поспать еще, факт, что сегодня Рождество поражает меня, словно толчок. Сегодня единственный день в году, когда я на самом деле не могу спать, поэтому выскакиваю из постели как ошпаренная. То же самое происходит каждый раз, когда я бываю в Диснейленде.

Это Рождество не является исключением. Быстро целую Лаклана, а затем встаю с постели, натягивая свои рождественские пижамные брюки и пушистый красный свитер. Еще одна замечательная вещь, касаемая Рождества: можно ходить в пижаме до самого ужина.

По крайней мере, в большинстве домов именно так. Я смотрю на Лаклана, когда он натягивает пару тонких чёрных пижамных штанов, и стараюсь не пускать слюни на его голый торс.

— Нам же не надо наводить марафет для рождественского утра? — интересуюсь я.

— Не глупи, — говорит он, натягивая белую футболку. — Хотя сначала нам лучше пойти, проверить Бригса и щенка.

В холле слышна «Hark the Herald Angels Sing», звуки смеха поднимаются вниз, вместе с запахом бекона и яиц. Мой желудок ворчит, несмотря на груз жаркого и йоркширского пудинга, которые я съела прошлым вечером. Можно было бы подумать, что я буду слишком взволнована, чтобы есть, но я голодна, как волк.

Лаклан стучит в дверь Бригса.

— Минуточку, — слышим мы его голос.

— Это мы, — говорит Лаклан.

— А. Тогда входите.

Он открывает дверь, и мы заходим внутрь, теперь видя, что Бригс лежит на животе на постели, его длинное тело наполовину свисает с кровати. Щенок находится перед ним, катаясь на спине и жуя один из пальцев Брига.

Бригс смущенно смотрит на нас.

— Этот мелкий тот ещё монстр. Плакал всю ночь, пока я не взял его к себе в постель. Конечно, я не мог нормально спать, боясь раздавить этого маленького паршивца.

— Да уж, ты выглядишь измученным, — замечает Лаклан, складывая руки на груди. Он всматривается в сторону кровати. — Хотя скоро здесь начнёт попахивать, если ты это не уберешь.

Бригс умоляюще смотрит на него.

— Подумал, что ты сможешь помочь. Они заподозрят что-то, если я выйду на улицу.

Лаклан качает головой.

— Ни за что. Твоя собака. Твоё дерьмо. Таковы правила.

Бригс вздыхает и опускает голову, приглашая щенка наброситься на него, в первую

очередь лапами. Картина очень милая, но я могу сказать, что Лаклан хочет убраться отсюда, прежде чем Бригс убедит его.

Внизу мы видим, что все собрались вокруг кухонного стола. Вопреки тому, что сказал Лаклан, они все одеты. Ладно, они все еще в пижамах, но Дональд выглядит так, словно подражает Хью Хефнеру, а Джессика в своем роскошном халате вполне сойдет за старую звезду Голливуда. Даже Джордж выглядит стильно, одетый в полосатый, идеально отглаженный комплект.

— Вы встали, очень хорошо, — говорит Джессика, указывая на наши места и наливая нам сок. — Садитесь. Где Бригс?

— Он спустится через минуту, — сообщает Лаклан. — Ему кажется, что он потерял перчатку в снегу, — Ах, такой хороший брат и так сладко лжет. И через несколько минут, когда мы видим, как Бригс быстро идет по улице с пакетом, чтобы зарыть газету где-то в сугробе (когда снег сойдет, Джорда ждет приятный сюрприз... с Рождеством, угрюмый старик), сокрытие удалось.

— Итак, Кайла, — говорит мне Дональд, когда Джессика вытаскивает картофельные лепёшки, эти прекрасные треугольники с картофельной начинкой. — Готова сегодня попробовать хаггис³?

— Когда-нибудь мне придется попробовать что-то такое, — говорю я, когда Бригс садится рядом со мной.

— Уверен, так и есть, — говорит он с ухмылкой, и я пинаю его ногой под столом. Должна признаться, сейчас приятно иметь эти, своего рода, товарищеские отношения с Бригсом, они заставляют меня чувствовать, что меня приняли в эту семью, особенно в такой день, как сегодня.

— Дональд отвечает за хаггис, — говорит Джордж, делая глоток чая дрожащими руками. — Лучшие хаггис в городе.

— Э-э-э, — говорит Дональд, выглядя смущённым. Прочищает горло. — Что ж, спасибо, папа.

— Конечно, в этом городе полно овцеводов и прочих выродков, так что это говорит не так уж и много, да?

Дональд смеется, и я вступаю за него.

— Уверена, получится здорово, — говорю я.

— Ты сама это сказала, — говорит Лаклан. — Ты же знаешь, что это такое и как оно готовится, да? Кровяная колбаса, по сравнению с этим, пустяки.

— Да, я знаю, из чего оно готовится, и не нуждаюсь в напоминании.

— Ну, чтоб ты знала, я сделала и вегетарианский вариант, — говорит Джессика, садясь и раскладывая салфетку на коленях. — Начинка очень похожа на ту, что американцы кладут в индейку на День благодарения.

— Звучит вкусно, имею в виду, оба варианта, — вау. Да мне надо выдать приз за дипломатию. Не думаю, что когда-то была такой милашкой, как этим утром.

Покончив с завтраком, мы переходим в гостиную, занимая наши обычные места.

— Кайла, — говорит Джессика, протягивая шапку Санты, — ты самая младшая здесь, поэтому семейную традицию МакГрегоров по раздаче подарков мы передаем тебе.

— Ха, — смеется Лаклан. — Малявка.

Смотрю на него, но вежливо беру шляпу и надеваю ее. Было бы гораздо проще просто сидеть сложа руки и открывать подарки, но теперь у меня есть работа. Самое смешное, что в

моей семье тоже была такая традиция, и когда я росла, тоже была тем, кто раздавала подарки.

В конце концов, я рассказываю им все это, когда ищу подарки под массивным деревом.

— Мы даже праздновали Рождество до 6 января, что было прекрасно для избавления от этой пост-рождественской тоски.

— Почему так? — спрашивает Дональд.

Я смотрю на подарок, который, так вышло, предназначен для него.

— Мой отец был исландцем, и там подобное — традиция. Естественно, мои братья тоже хотели растянуть рождественские праздники, даже если в нашем доме было больше от японской культуры.

Передаю ему подарок.

— Это вам, — затем перехожу к следующим, намеренно оставляя свои подарки до самого конца, а также те, которые купила я.

Все разрывают свои обертки. Ну, так делают Бригс и Лаклан, а Джессика и Дональд открывают свои аккуратно. Моя мать тоже делала так, сохраняя оберточную бумагу в большой куче. Каждый год. А потом, когда снова наступало Рождество, она забывала об этом и шла покупать еще больше оберточной бумаги. Когда мы с братьями через несколько месяцев после ее смерти стали разбирать вещи в семейном доме, я нашла в шкафу кучу коробок с использованной и аккуратно свернутой оберточной бумагой.

Мысль об этом заставляет мое сердце сжаться, и я вынуждена сделать глубокий вдох. Но когда я смотрю, как МакГрегори держат носки, посуду и даже нижнее белье, благодаря друг друга с большими улыбками на лицах, я должна помнить, что, хотя воспоминания о моей семье и моем прошлом причиняют боль, я все еще могу улыбаться сквозь нее. Я не должна бояться вспоминать хорошие времена или плохие. Не должна бояться почувствовать боль, потому что она означает, что все, что у меня было с родителями, было прекрасно. Я опустошена из-за потери мамы, и все же каким-то образом напоминаю себе, что она была замечательной движущей силой в моей жизни. Она сделала меня той, кто я есть. Она причина, по которой я здесь.

И теперь, теперь это та семья, которую в один день я смогу назвать своей собственной. Даже на сегодняшний день, несмотря на то, что дедушка — раздражительный старый хрыч, не всегда думающий, что говорит, я чувствую себя принятой. Я, по крайней мере, чувствую себя любимой — даже больше, чем любимой — человеком с татуировками, беспокойным мужчиной с огромным сердцем. И этого чувства достаточно, чтобы я прошла через этот день и все последующие.

— Кайла, ты не открыла свои, — говорит Джессика. Она указывает на большой, завернутый в блестящую серебряную бумагу. — Вот, открой его. Это от меня, Джорджа и Дональда.

Я сажусь у основания дерева и начинаю разворачивать подарок, надевая на лицо маску на случай, если это что-то ужасное, и мне придется притворяться, что мне понравилось.

Но подарок совсем не ужасен. Он немного безличный, такой подарок, который вы, вероятно, подарите девушке своего сына, которую не совсем хорошо знаете. Но, тем не менее, он милый. Причудливый набор для ванны с шотландскими мылом с толокном, мочалками, или чем-то подобным, а также шелковый красный халат и пушистые тапочки.

Я говорю им всем, что мне нравится, но потом Джессика говорит, что внизу есть кое-что еще. Осматриваю коробку, и мои пальцы сжимаются над чем-то тяжелым и

изношенным. Вытаскиваю его, и вижу блокнот в кожаной обложке.

Выжидающе смотрю на нее, а она лишь улыбается.

— Это для твоих мыслей и желаний. Дневник целую вечность был в моей семье, никогда не использовался, просто всегда лежал и все. Я надеялась, что однажды кто-то возьмет ручку и напишет следующий великий роман, создаст на страницах совершенно новый мир. Надеюсь, этим человеком сможешь быть ты.

Честно говоря, моя черная душа набухает, словно сладкий красный шар. Слеза катится по щеке, когда я смотрю на Лаклана, который кивает, мягко улыбаясь, словно говоря мне, что это правда, все реально, все в порядке. Я встаю, подхожу к ней и обнимаю ее, говоря спасибо за такой продуманный подарок. Набор для ванны отличный, но этот, он идет от сердца, и я внезапно волнуюсь, что мой подарок не будет столь подходящим, как я думала.

Лаклан встает, поднимая наш общий дар, и вручает его им. Затем вручает подарок Джорджу, а затем передает картину в рамке Бригсу.

Все открывают свои по порядку. Джессика и Дональд любуются своими рождественскими украшениями, а Джордж благодарно хмыкает, разглядывая кубинские сигары, которые мы подобрали для него. Но реакция Бригса лучше всех. В ту минуту, когда он разрывает бумагу, его глаза расширяются, и он разражается громким, беззастенчивым смехом.

— Где вы, черт возьми, это взяли? — спрашивает Бригс между смешками, передавая картину Джессике и Дональду.

— Это была идея Кайлы, — говорит Лаклан, пихая меня локтем.

Пожимаю плечами.

— Подумала, ты можешь повесить его в своей ванной или что-то в этом роде.

Он усмехается мне, забирая рисунок у родителей и глядя на себя в образе Бастера Китона.

— Для меня честь, смотреть на Бастера Китона в образе меня, пока я сижу на горшке.

— Бригс! — ругает его Джессика, но сама все еще смеется.

— Ладно, моя очередь, потом Лаклан, — говорит Бригс. — Конечно же, Лаклан превзойдет меня, придурок.

Он жестом показывает на небольшую квадратную коробку под деревом.

Открываю ее и вижу регби-календарь с полуобнаженным мужчиной на обложке, выпущенный несколько лет назад. Собственно, полуобнаженный человек — это Тьерри. У меня голова идет кругом. Француз позирует в душе, и фотография едва скрывает его причиндалы. Никогда не думала, что увижу Тьерри в таком виде, но, черт возьми.

— Боже мой, Бригс, — стонет Лаклан, закрывая лицо руками и откидываясь на диван.

У меня падает челюсть, когда я медленно открываю его.

— Это печально известный регби-календарь?

— Рад, что я плохо вижу, — бормочет себе под нос Джордж.

— Посмотри на мистера Сентябрь, — радостно говорит Бригс, а Лаклан выпускает еще один смущенный стон.

Убедившись, что не смущаю его семью этим календарем с членами и горой мышц, осторожно листаю страницы, пока не дохожу до сентября. Конечно же, Лаклан стоит боком на поле для регби, его крепкая задница на виду, а эти гигантские квадрицепсы выглядят угрожающе на темной, зернистой фотографии.

Черт. Только подумать, это ведь мужчина, которого я люблю, мужчина, с которым могу

каждый день заниматься сексом. Мысленно даю себе пять, как и много раз за последние несколько недель.

— Ого, — говорю я, закрывая его, прежде чем все станет странным. — Думаю, я тоже повешу это в нашей ванной.

— Пожалуйста, не надо, — хнычет Лаклан, убирая пальцы с лица. Наконец-то, для разнообразия теперь покраснел он.

— Итак, Лаклан, — говорит Бригс, хлопая по бедрам. — Давай-ка посмотрим, что ты придумал.

Мы единственные, кто не открыл наши подарки друг от друга. На мгновение мое сердце трепещет, особенно когда я вижу его подарок под деревом, единственный, оставшийся рядом с моим. Это небольшая коробочка. Слово достаточно подходящая для кольца. И, конечно, это заставляет меня задуматься, как в страхе, так и в волнении. Это не может быть то, о чем я думаю, это может... или не может? Так скоро? Здесь? Сейчас?

— Э-э-э, почему бы тебе не открыть мой первым, — говорю я Лаклану, бросая ему свой подарок. Он легкий, и Лаклан с легкостью ловит его.

Понятия не имела, что ему подарить, а потом поняла, что проще всего будет купить что-то для собак. Не знаю, к лучшему или к худшему, но он любит этих собак больше, чем себя. Поэтому я пошла и купила три свитера с их именами. Я слышала, как он несколько раз говорил, что такие могут понадобиться им, когда будет идти снег, и эта мысль просто застряла у меня в голове. Плюс, только представьте, насколько мило они будут выглядеть, гуляя вместе в подходящих нарядах. Тогда никто не будет бояться их, даже в намордниках.

Лаклан, кажется, теряет дар речи, когда держит в руках вязаные свитера для Лионеля, Эмили и Джо. Их имена вышиты контрастным цветом.

— Не уверена, подойдут ли они, — пытаюсь объяснить я. — Было трудновато измерить Эмили, она мне чуть голову не откусила.

— Подойдут, — говорит он практически шепотом, пока пробегает пальцами по вещцам. Смотрит на меня, его прекрасные глаза вглядываются в мои, пытаюсь рассказать мне все, что не могут его губы.

Я целую его в щеку, и он расслабляется, обнимая меня.

— Спасибо, — тихо говорит он. — Это так много значит для меня.

Пробегаю пальцами по его сильной челюсти и улыбаюсь, стараясь не слишком увлекаться в присутствии невольных зрителей.

— Еще один подарок для Кайлы, — прочищая горло, говорит Джессика. Я отрываю взгляд от Лаклана и смотрю на ее сияющее лицо. Даже она, кажется, немного растрогалась из-за этих свитеров.

Киваю и беру коробочку, лежащую около дерева. Медленно разворачивая простую коричневую бумагу, я стараюсь не бежать впереди паровоза. Бездна надежные мысли никогда не приносили мне никакой пользы.

Но, развернув бумагу, я остаюсь с коробкой для ювелирных изделий, и трудно не думать об этом. Что, если это обручальное кольцо? Что я скажу? Не слишком ли быстро? Неужели Лаклан действительно захочет разделить такой личный момент со своей семьей и дедом?

— Просто открой его, — говорит Бригс

Что я и делаю.

И у меня перехватывает дыхание.

Это не кольцо. На самом деле, это даже лучше.

Я осторожно тянусь к серебряному ожерелью, медальону в форме сердца, с выгравированными нежными цветами и звездами по передней стороне. Он ярко сияет и, наверное, это самое красивое украшение, которое у меня когда-либо было. Я поднимаю глаза и вижу, что Лаклан выжидающе смотрит на меня, поэтому ищу застежку сбоку на медальоне и открываю его.

На одной стороне наша совместная фотография. Очень маленькая, просто наши улыбающиеся лица, но в черно-белом исполнении. Думаю, ее сделали во время гала вечера для «Любимого Забияки», который проходил летом. На другой стороне что-то написано на гэльском. Что-то, что я не могу произнести должным образом. *Sibhe mo clann*.

— Оно красивое, — еле дыша, говорю ему. — Что здесь сказано?

— Здесь говорится, что ты мой клан.

Джессика издает мечтательный вздох.

Чувствую, как мои внутренности танцуют, сердце гудит, а кровь бурлит как шампанское.

— Я твой клан, — повторяю я, пульс бешено стучит.

— Да, — говорит он, — это и больше.

С трудом сглатываю, эти надоедливые слезы снова одолевают меня. Я хочу отвести его наверх и показать, что этот подарок, этот прекрасный, продуманный, душевный дар означает для меня. Но не могу. Не здесь. И не сейчас. Все, что я могу сделать, это обнять его, поцеловать и надеяться, что он знает, что он тоже мой клан, всегда и навечно.

До конца дня я чувствую себя так, словно гуляю по облакам. Даже когда мы выходим на улицу, чтобы помочь Бригсу избавиться от щенячьих какашек, подняться по переулку, чтобы проверить его автомобиль и посмотреть, дома ли соседи (это не так), холод совершенно не беспокоит меня. Мое сердце — светящаяся печь, согревающая меня, и ожерелье покоится у меня на груди, словно оно всегда и было там.

***

Когда начинает опускаться темнота, купая дом в сумерках, мы вместе с Лакланом и Бригсом собираемся в комнате последнего вместе со щенком. Рождественский ужин почти готов, в доме пахнет совершенно потрясающе, и я готовлюсь, наконец-то, попробовать хаггис.

Мы играем со щенком, которого Бригс уже назвал Винтером. Ранее я позвонила своим братьям домой, чтобы пожелать веселого Рождества, и, хотя была очень рада слышать их голоса, мне все же было больно от того, что я не с ними. Но щенок быстро убрал эту боль.

— Ты не можешь давать кличку собаке, если не собираешься оставить ее, — говорит Лаклан Бригсу.

— Конечно, могу, — говорит Бригс, усаживаясь на край кровати. — Ты постоянно даешь клички своим собакам из приюта. Кроме того, если окажется, что это не соседский пес, тогда ты будешь держать ее у себя, не для меня.

— Что? — говорит Лаклан, когда маленький пушистый комочек играет с оставшейся оберточной бумагой. — Приют не место для молодой собаки. Ему нужен дом. Обучение. Абсолютная любовь.

— Ты должен оставить его, — говорю Бригсу. — Мальчуган уже глаз с тебя не сводит. Он думает, что ты его папа. И ты дал ему кличку.

Бригс пожимает плечами.

— Утром попробую ещё раз. Потом мне надо уезжать, и собака не поедет со мной.

— Так ты просто Скрудж для щеночка, — говорю ему.

Похоже, что он не придает этому значения, хотя, судя по тому, как он играет с Винтером, могу сказать, он гораздо больше привязан к белому щенку, чем притворяется. Я лишь надеюсь, что к тому времени, как праздники закончатся, Винтер воссоединится со своей семьей, или же Бригс придет в себя.

В конце концов, мы спускаемся по лестнице, готовые к празднику. На кухонном столе стоят серебряные подсвечники и элегантные столовые приборы. Разнообразные дымящиеся блюда расположились на девственно чистой белой скатерти с красной отделкой. В середине — ваза с сосновыми шишками, лентой, остролистом и пихтой, и я догадываюсь, что все это устроила Джессика. Она настоящая Марта Стюарт.

Все занимают свои места, мы с Лакланом рядом, Джордж на одном конце стола, а Бригс на другом. В то время как я одета в простое черное платье и темно-бордовый кардиган, мое ожерелье — изюминка этого наряда, все остальные выглядят нарядными. Даже Лаклан надел белую рубашку без галстука, расстегнутую достаточно, чтобы показать намек на татуировки.

Джессика позволяет нам быстро помолиться, и потом наступает время для еды.

Я только что вытащила ложку картофельного пюре и раздумываю о хаггис, которые действительно похожи на фарш, когда Джордж говорит:

— Где, черт возьми, вино? Нет даже хереса?

Джессика успокаивающе улыбается ему.

— У нас есть газирований яблочный сок и глинтвейн из ИКЕИ.

— В нем нет алкоголя, — говорит он. — Нельзя праздновать Рождество без вина. Это нелепо.

Дональд поднимается и берет бокал Джорджа.

— Давай я налью тебе немного шерри, папа, — говорит он.

— Нальешь мне? Неси сюда бутылку. В шкафу две бутылки красного, их тоже неси, — он смотрит на Джессику. — Я не хочу брать выпивку из своей коллекции, но так и сделаю, если понадобится. Это Рождество, ради Христа. Да, именно ради него.

Я вздрагиваю, в то время как Лаклан рядом со мной сидит, затаив дыхание, и избегает зрительного контакта.

Кладу руку на его предплечье.

— Все нормально? — шепчу я.

Он кивает.

— Я в порядке. Правда, — пытается улыбнуться, но я вижу боль в его глазах.

Я верю ему, что с ним все будет в порядке, пока Дональд не возвращается с вином, и Джордж не настаивает на том, чтобы он налил всем.

— Мне не надо, — быстро говорит Лаклан, закрывая ладонью бокал.

— Мне тоже, — добавляю я. — Но все равно спасибо.

Джордж прищуривается, глядя на нас.

— Никакого вина? Лаклан, обычно ты был бы первым, кто прикончит бутылку. Что с тобой не так?

— Ничего с ним не случилось, дедушка, — говорит Бригс, но не предлагает ничего больше. Никто из нас не хочет быть тем, кто скажет это, если даже мы должны поведать обо

всем вслух.

— Ну, что-то все-таки есть, — говорит Джордж. — Я не видел его год. Внезапно, он перестал пить и встречается с девушкой, наполовину китайкой. Я больше не знаю тебя, Лаклан. Возможно, никогда и не знал, — добавляет он себе под нос. — Вы, Локхарты, странная порода, не то что мы, МакГрегоры.

Напряжение за столом можно разрезать ножом. Я вижу, к чему все идет, даже сейчас. Хотя Лаклан считает меня частью своего клана, Джордж не считает Лаклана частью своего. Не важно, что именно говорит или делает Лаклан, играет он в регби или занимается политикой, алкоголик он или святоша, посещающий церковь, в глазах Джорджа, он не один из них.

Лаклан прочищает горло и смотрит Джорджу прямо в глаза.

— Нет. Я ведь на самом деле не МакГрегор, правда? Но я здесь, как и всегда. У меня есть твоя фамилия. У меня есть сердце этой семьи, как и мое. Я просто надеялся, что однажды, как я уже сказал Кайле, ты увидишь, что я считаю тебя своим кланом, а может быть, в один прекрасный день ты будешь считать меня своим.

Комната погружается в тишину.

— Все еще не объяснил, почему ты не пьешь, — бормочет Джордж, разрезая индейку на тарелке.

— Потому что я алкоголик, — говорит Лаклан, и я чуть не выплевываю обратно свою воду. — Всегда был и всегда буду. Всю свою жизнь я разбирался со своими проблемами, своим прошлым и собственной душой, употребляя наркотики или напиваясь до потери сознания. Невозможно делать так вечно, и, только встретив Кайлу, я открыл глаза на то, во что втянул ее. Через что заставил пройти свою семью. И себя. Можешь обвинять в чем угодно меня, мой клан, мое происхождение, обвинять меня в том, что я черная овца. Но правда есть правда, и хотя здесь нечем гордиться, такова она и есть.

Все, кажется, задерживают дыхание, ожидая реакции Джорджа. Но я не задерживаю дыхание — я едва могу дышать. Этот человек... когда я думала, что он больше не может удивить меня, он просто выложил на стол все карты о себе и все уродство, которое идет вкуче с ними, чтобы их увидел весь мир. Он ожидает, что его могут обидеть, высмеять, осудить, и все равно это сделал. Он сделал это, потому что это он. Он Лаклан МакГрегор, Лаклан Локхарт, мой зверь и самый храбрый человек из всех, что я знаю.

Количество любви, которую я чувствую к нему, просто зашкаливает.

Бесконечное и неконтролируемое.

Проверенное временем.

Настоящее.

Наконец Джордж немного откашливается, заставляя всех слегка подпрыгнуть на местах.

— Так ты не можешь справиться с выпивкой, — говорит он своим грубоватым голосом. — Тогда может ты все-таки МакГрегор.

Шутка едва ли смешная. Но это шутка. И, возможно, самое близкое, что Лаклан когда-либо получит. Все смеются, сначала нервно, потом с облегчением. А я могу лишь сжать руку Лаклана, прямо над его татуировкой льва Лионеля, и смотреть на него, как влюбленная девушка, которой и являюсь.

И после этого все, кажется, отлично. У Джорджа есть херес, у Дональда есть бокал вина, а остальные из нас наслаждаются газированным яблочным соком, потягивая его, как прекрасное шампанское. Есть ощущение правильности мира, а падающий снег за окнами

просто добавляет волшебное чувство Рождества.

И так продолжается до тех пор, пока мы не слышим громкое БАБАХ из гостиной. Мы все замираем, обмениваясь взглядами, затем вскакиваем, и бежим по коридору в гостиную.

Дерево перевернуто и валяется на диване, украшения и мишура повсюду.

— Как это произошло? — восклицает Джордж, когда мы осторожно подходим ближе.

Внезапно, внизу около дерева начинает двигаться кусок использованной обёрточной бумаги.

— О, боже мой, — говорит Джессика, прижимая руку к груди, почти стискивая свои настоящие жемчужины. — Что это, крыса?

— Кто-нибудь смотрел «Рождественские каникулы»? — рассеянно спрашиваю я, думая, что это может быть белка или, может, кто-то завернул в бумагу кошку.

Но потом обёрточная бумага снова качается.

Появляются маленькие острые ушки щенка, а затем и сам Винтер.

— Вот маленький мерзавец! — говорит Бригс, в то время как Джессика кричит: — Боже мой, это собака? Она смотрит на Лаклана. — Она твоя?

— Вообще-то, Бригса, — говорит Лаклан, пока Бригс приседает и приближается к щенку, беря его на руки, прежде чем тот убежит.

— Бригс, — строго говорит Джордж. — Ты знаешь, как я отношусь к животным.

Бригс вздыхает, прижимая к себе Винтера. От того, как щенок смотрит на всех в комнате, в глазах небольшой страх и сильное любопытство, в него невозможно не влюбиться.

— Мы все это знаем, дедушка, но я нашел его в сарае на соседней ферме, и вокруг никого не было. Я не собирался позволять ему голодать и замерзнуть. Сегодня днем мы даже ходили туда узнать, если ли кто дома, но никого нет.

— Они всегда уезжают на Рождество, — говорит Джордж, глядя на щенка. Поднимает взгляд на Бригса и прищуривается, принимая какое-то внутреннее решение. — Собака может остаться. Но если нагадит, это твоя проблема. Завтра мы вернем его туда, где ему и место. И хотя ты все знаешь... Я буду приглядывать за тобой.

Словно в ответ на это, Винтер смотрит на Джорджа и высовывает язык.

Рождество приближается к веселому концу.

Глава 8

ЛАКЛАН

Уже поздно, когда мы с Кайлой, наконец, уходим спать. Джессика и Дональд сидят у огня, Джессика пьет херрис, который не смела выпить передо мной, разговаривает и слушает последнюю рождественскую музыку. Я знаю, что у нас все еще будет рождественская музыка завтра в День подарков, но Рождество будет отличаться от всех остальных. Это последний раз, когда оно имеет значение.

Бригс в своей комнате с собакой, вероятно, пытается понять, как будет прощаться утром, а Джордж, полагаю, заснул в своем кресле.

Помимо еле слышной музыки, в доме тишина. Снег прекратил падать, присоединяясь тем самым к безмолвию.

И Кайла, прекрасная Кайла смотрит на меня с такой огромной любовью, что мое сердце

с трудом способно принять ее.

— Лаклан, — говорит она, прижимаясь ко мне своим обнаженным телом, и я закрываю глаза от ощущения ее сладкого тепла на моей коже.

— Да, любимая?

— Я хочу работать с тобой, — шепчет она.

— Что? — я прерываюсь, думаю, что она, должно быть, шутит. — Ты издеваешься?

— Нет, — быстро говорит она. — Нисколечки. Я хочу помогать тебе в «Любимом Забияке». Думаю, ты прав. У меня действительно получится хорошо.

Я поворачиваюсь, оказываясь лицом к ней, ее кожа освещена голубым лунным светом.

— Почему ты передумала?

Она проводит пальцами по моим татуировкам, пристально глядя на них.

— Потому. Я хочу помочь. Хочу быть частью всего, что ты делаешь, — она смотрит на меня, и ее глаза сверкают. — Я люблю тебя. Так сильно. И знаю, ты пытаешься помочь мне, но ты так же просишь меня стать частью чего-то большого и значимого. И я хочу этого. Если ты помогаешь мне, я тоже хочу помочь тебе.

Я очень тронут этим, но все же боюсь.

— Не хочу, чтоб ты чувствовала давление с моей стороны. Я лишь хочу, чтоб ты была счастлива.

— Я счастлива, — решительно говорит она. — С тобой. Лаклан... сегодня. Черт каждую ночь. Каждый день. Ты продолжаешь удивлять меня. Ты заставляешь меня все сильнее и сильнее влюбляться в тебя, настолько, что когда я вернулась домой, и случилось все то дерьмо, что случилось, мысли о тебе заставляли меня продолжать двигаться дальше. Шанс, что, возможно, я увижу тебя снова. Я не хочу ничего испортить. Хочу быть с тобой до тех пор, пока могу, и, если работа в «Любимом Забияке» может помочь моей мечте стать реальностью, ну, я хочу такую реальность.

— А твоя работа в качестве автора...

— Моя работа автора всегда будет. Буду продолжаться пытаться искать себе место. Но пока этого не случилось, вот где я хочу быть.

— Ты понятия не умеешь, каким счастливым только что сделала меня, — говорю я ей, и мой голос срывается. Я притягиваю ее ближе, целуя макушку, затем лицо, полностью поглощенный своими чувствами к ней. Они мерцают, словно глубокое пламя, и у меня нет никакого желания тушить его.

Я лишь хочу раздуть его, это пламя, пока оно не поглотит нас обоих.

Возвращаюсь на кровать, отрывая губы от ее щеки, к ее рту, ключице и вплоть до середины ее тела. Она медленно извивается подо мной в томительном ожидании.

Я облизываю ее бедра, а затем прячу лицо между ног. Ее запах делает меня тверже, чем камень, и я безумно и отчаянно желаю оказаться внутри нее, но сначала решаю потворствовать своему языку, желая давать, давать и еще раз давать. Прошло всего несколько дней, но они кажутся вечностью.

Кайла на вкус невероятно хороша, как и всегда, и я стону в нее, вибрации заставляют ее захныкать. Мой язык кружит по ее клитору, прежде чем погрузиться в нее.

Она мокрая, как грех, и возбуждается ещё больше, вращая бедрами на моем лице. Жадная, жадная девочка. Именно за это я ее и люблю.

Затем ее руки оказываются в моих волосах, сильно сжимая их в кулаки, и она разводит ноги шире, требуя большего. Я отступаю, желая подразнить ее, и нежно дую на ее киску,

пока она не начинает умолять.

Я атакую ее языком, проскальзывая внутрь и снова выходя. Она такая шелковистая и тугая, что вскоре, когда я прижимаю язык к ее клитору, она кончает, ее бедра обнимают мою голову и сжимают ее, кожа пульсирует под моими губами. Ей удастся не кричать так громко, как она делает обычно, но ее низкие стоны беспощадны.

Я не могу не посмотреть наверх. Она изо всех сил сжимает простыни, выгибая спину, ее прекрасный рот открыт. В любую другую ночь, думаю, она бы умоляла попробовать на вкус мой член, но сегодня я хочу быть настолько глубоко внутри нее, насколько это возможно. Я нуждаюсь и жажду нашего соединения.

Встаю между ее ног и, хватаю ее за бедра, притягивая ближе и удерживая ноги на весу. Располагаюсь около ее входа, настолько мокрого и готового, как второй дом. Мой единственный дом.

— Боже, ты прекрасна, — шепчу я. Сжимаю челюсть и смотрю вниз, когда медленно толкаюсь в неё. Она все еще тяжело дышит, ее голова мечется из стороны в сторону, темные волосы рассыпаны по подушке.

Я смотрю вниз на свой член, когда проникаю в нее, держа ее ноги в руках, и вколачиваюсь все глубже и глубже. Поднимаю ее ноги выше, мои пальцы впиваются в ее плоть, и я толкаюсь под более резким углом. Когда она стонет и снова сжимает простыни, я знаю, что попадаю в точку G. Она быстро смотрит на меня, глаза блестят, волосы в беспорядке, и кусает губу. Узнаю этот взгляд, который бывает, когда я делаю для нее что-то потрясающее. Тот взгляд, к которому всегда стремлюсь.

Толкаюсь снова, медленно возвращаясь назад, так, что попадаю по всем правильным точкам. Она всегда такая тугая, этот красивый кулак вокруг меня.

Когда все ее тело напрягается, она начинает задыхаться, ее глаза закрываются, рот снова открывается. И я хочу больше этого. Хочу свести ее с ума.

Я тянусь вниз и начинаю ласкать ее клитор жесткими, быстрыми маленькими движениями, происходящими одновременно с моими толчками, когда мои бедра вбиваются в нее. Вперед-назад. С каждым медленным, неторопливым толчком, я чувствую, как она распадается на кусочки вокруг меня. Она извивается подо мной, и я знаю, она молится о том, чтобы кончить и получить освобождение. Давления моих пальцев и моего члена слишком много для нее, она не в силах вынести это, и каждая секунда этой пытки — полностью моя.

Мы медленно приближаемся к финалу. И как сильно бы я не хотел двигаться быстро, мы двигаемся так, словно у нас есть все время в мире. Мы двигаемся вместе, как единое целое, пот к поту, кожа к коже, сердце к сердцу.

Кайла кончает первой, как и обычно, как всегда и должно быть. Ее глаза расширяются, словно в шоке, как будто у оргазма есть реальная хватка, и он, заставая врасплох, утягивает ее куда-то. Но куда бы ее не забрали, там, должно быть, настоящий рай.

Она кричит, пару секунд достаточно громко, прежде чем я успеваю прижать ладонь к ее губам, чтобы слегка заглушить звук. Я чувствую ее горячее дыхание, влажные губы и стоны, когда они пытаются убежать. Ее щеки пылают, грудь поднимается, а глаза едва могут сфокусироваться. Она на седьмом небе.

И она там со мной. Я кончаю так же сильно, моя сперма изливается в нее, жаркая и быстрая, пока она сжимает меня, и оргазм прорывается через нас обоих. Я стону, отнимая руку от ее рта, чувствуя себя потрясающе.

Тени ушли.

Я здесь.

И там.

Я принадлежу ей.

Полностью.

Восстановив дыхание, мы обнимаемся, и я натягиваю на нас одело, как следует накрывая.

Может Рождество и закончилось.

Но у нас все только начинается.

***

Следующим утром завтрак проходит в слегка меланхоличной атмосфере. Это странное чувство, нечто глубокое и в чем-то необычное, на самом деле ощущать себя частью семьи. Я знаю, что чувствовал это на протяжении многих лет, но когда вы сирота, эта тоска, этот поиск никогда не покидает вас. Но, по крайней мере, сейчас, после вчерашней ночи, она утихла. Есть мир. Есть облегчение. И когда все закончится, думаю, я буду немного грустить.

— Что ж, думаю, пришло время проверить, вернулись ли соседи, — говорит Бригс, ставя стакан с апельсиновым соком, прежде чем подняться.

— Я пойду с тобой, — предлагаю ему, и он кивает. Кайла занята, помогая Джессике убрать все, так что есть только мы, два брата.

Мы тепло одеваемся и идём на улицу, где идёт снег. Винтер устроился в тепле под пальто Бригса. После снежной бури последние нескольких дней, солнечный свет и снег ослепляют.

Мы мало разговариваем, пока идём. Бригс, кажется, не хочет обсуждать Лондон и должность преподавателя, так что я увожу разговор в сторону фильмов, от чего он оживляется.

Но он уводит разговор в сторону Кайлы.

— Я, правда, думал, ты собираешься сделать ей предложение, — говорит Бригс.

Пристально смотрю на него.

— Сейчас неподходящее время.

— А будет вообще подходящее время?

— Откуда столько любопытства?

— Полагаю просто хочу, чтоб ты был счастлив, — пожимая плечами, говорит Бригс. — Кроме того, она мне нравится. Она стерва и подходит тебе. Осмелюсь сказать, что и ты ей подходишь.

Вздыхаю. Должен заметить, приятно слышать подобное от него.

— Все мое время. Сейчас я просто счастлив, что она здесь. И что остаётся.

— А что с работой?

— Сейчас она работает на меня, — сообщаю ему.

— Ах ты, старый пёс, — ухмыляется он. — Заставил собственную девушку работать на себя.

— Я буду платить ей, — напоминаю ему.

— Ага. Только не путай, за что платишь.

— Замолчи, Бригс.

Вскоре мы доходим до соседей и машины Бригса, зарытой в снегу. Позже мы собираемся выкопать ее, а сейчас, похоже, соседи уже вернулись.

Стучим в дверь, и Бригс вынимает Винтера из пальто. Маленький щенок извивается, пытаясь лизнуть лицо Бригса, и в тот момент я понимаю, что Бригсу будет сложно от него отказаться, если он вообще это сделает. Ненавижу признавать такое, но это меня радует. Теперь он знает. Теперь он это понимает. Трудно отпустить лучшего друга человека.

Дверь открывает миссис Макоули, женщина средних лет с сединой в волосах, как у Хилари Клинтон. Я узнаю ее, и она узнает нас.

— Мальчики МакГрегора, — говорит она. — Счастливого Рождества.

— Счастливого Рождества, — говорим мы в унисон, как кучка глупых детишек.

— Послушайте, — говорит Бригс, когда ее глаза сосредотачиваются на щенке. — Прошлым вечером я въехал в сугроб. Дома никого не было, я очутился в сарае, искал хоть кого-нибудь. А наткнулся на этого маленького щенка, и взял его, чтобы он не умер на холоде. Мы подумали, может быть, он ваш.

Она качает головой.

— Мои небеса. Какой ангелочек, — говорит она, касаясь кончика его угольно-черного носа. — Но он не наш. Никогда раньше его не видела.

— Вы уверены? — спрашивает Бригс.

Она кивает.

— Совершенно точно.

— А не хотите взять его? — спрашиваю ее и чувствую на себе взгляд Бригса.

— О, боже, нет. Я люблю собак, но у Алистера аллергия. Хотя уверена, вы сможете найти ему дом. Вы все еще управляете этим приютом, разве не так, Лаклан?

— Да, — говорю ей. — Мы найдем ему любящий дом. Просто хотел удостовериться насчет вас.

Мы благодарим ее за уделенное нам время, желаем счастливого нового года, а затем возвращаемся домой, снег хрустит под нашими ботинками.

— Не могу поверить, что ты предложил ей взять щенка, — говорит Бригс.

— Ну, ты сказал, что не хочешь собаку, — говорю ему, мой голос веселый. Я вдыхаю и выдыхаю свежий воздух, дыхание превращается в морозное облако. — Если только ты не передумал.

Бригс ничего не говорит.

Прочищаю горло.

— Послушай, я понимаю. Это большая ответственность.

— Все не так, — мрачно говорит он.

— Я еще не закончил. Да, они — большая ответственность. Требуют много времени, обязательств и заботы. Но больше всего им необходима любовь. Речь идет о том, чтобы открыться и испытать нечто абсолютное и безусловное, пытаясь дать в ответ то же самое, что они дают тебе. Богу известно, собаки каждый раз, когда будут жевать твой любимый ботинок, и гадить у тебя в постели, будут проверять эту любовь и терпение.

— Лаклан, не надо кормить меня этой воодушевленной болтовней о собаках.

Я продолжаю.

— Дело в том, что любить кого-то после того, как ты потерял так много, страшно. Я это знаю, и все же не могу даже притворяться, что знаю, каково тебе. Любить собаку, позволяя ей войти в твою жизнь, это как позволить влюбиться. Влюбиться безумно. Речь о том, чтобы

привязаться к кому-то, кто умрет, когда ты еще будешь жить. И ужасно думать так, но полагаю, именно поэтому мы так привязаны к животным, к нашим питомцам. Мы живем дольше них. Их время на земле ограничено, и у них нет ничего, кроме любви. Но именно это делает каждый день с ними еще слаще. Любовь к собаке это о любви и потере. Но в конечном итоге, твое сердце становится больше и сильнее.

Несколько мгновений Бригс молчит, единственный звук — наше дыхание и шаги по дороге, все остальное приглушено снегом.

Наконец, он говорит.

— Черт, Лаклан. Почему ты не напишешь это в своей брошюре «Любимого Забияки»?

— Только если это сработает с тобой.

Когда мы возвращаемся домой, все собрались у камина на последнюю чашку чая. Кайла окружена контейнерами Turperware, наполненными индейкой и хаггис (вегетарианским видом — оригинал ей не слишком понравился).

— Как все прошло? — спрашивает Джессика.

— Вижу, пес все еще у тебя, — резко комментирует Джордж.

— Это не их щенок, — говорю им, — они никогда его не видели.

— Тогда полагаю, он отправляется в «Любимого Забияку», — печально говорит Джессика.

Я собираюсь кивнуть, когда Бригс говорит:

— Вообще-то, он остается со мной, — я ухмыляюсь, пока Бригс поднимает в воздух белый комочек. — Все поздоровайтесь с Винтером МакГрегором.

Все, за исключением Джорджа, горячо приветствуют его, Джессика и Кайла воркуют со щенком. Я радостно хлопаю Бригса по спине, прежде чем схватить Кайлу за руку и притянуть к себе, целуя в лоб.

Смотрю на всех вокруг.

Многие из нас побиты жизнью.

Но все еще здесь.

Все еще дышат.

Мои люди.

Мое сердце.

Мой клан.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Notes

[

←1

]

UFC — Чемпионат предельного боя

[

←2

]

Садовник Вилли — персонаж мультсериала «Симпсоны»

[

←3

]

Хаггис — национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов, порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке. В русской кухне есть блюдо, схожее по ингредиентам и способу приготовления — няня